

ЛИНА МУР

КОРОЛЕВСТВО МОИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ЧТО ОЖИДАЕТ ЕГО ДАЛЬШЕ?

ЗАСЛУЖИТ ЛИ ПРОЩЕНИЯ?

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫЙ

БЕДНЫЙ

ВСПЫЛЬЧИВЫЙ

Вор

Лина Мур

Королевство моих преступлений

«Издательские решения»

Мур Л.

Королевство моих преступлений / Л. Мур — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530304-2

Тёмное королевство поработщает. Забирает души. Топчет сердца. Врагов становится всё больше, друзья превращаются в мишени. Любовь — опасная мечта, ради которой придется совершать преступления, пачкать руки кровью и научиться терпеть боль. Война вышла на новый уровень. И теперь Эмире Райз и Рафаэлю Лофу придется бороться не только за свою любовь, но и за свою свободу, за друзей и за право жить. Кто выиграет в этот раз? Законы роскошного мира или преступные чувства? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-530304-2

© Мур Л.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Королевство моих преступлений

Лина Мур

© Лина Мур, 2020

ISBN 978-5-0053-0304-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Рафаэль

Темнота для многих опасная штука, в которой они трясутся от страха и боятся каждого шороха. Они закрывают глаза и сразу же распахивают их, чтобы убедиться – ничего не изменилось, и никакое чудовище не утащит под кровать этой ночью. Но для таких, как я, темнота может быть спасением. В ней ты просто существуешь, ничего не чувствуешь, у тебя ничего не болит, плывёшь по равномерно текущей воде и ровно дышишь. Но порой темнота приносит с собой потерю необходимых для тебя воспоминаний, которые ускользают от тебя секунда за секундой. Ты на нуле. Даже ниже. Намного ниже. У тебя больше нет сил. У тебя ничего не остаётся, ради чего стоило бы открыть глаза. Все твои ценности давно уже забыты. Совесть растеряна и валяется где-то позади. А ты до сих пор плывёшь... плывёшь и ничего не видишь.

Толчки. Один. Второй. По щеке. По плечам.

– Парень, с тобой всё в порядке?

До разума доносится слабый незнакомый голос. Веки налиты свинцом. Я не чувствую ни рук, ни ног. Только сухость. Она везде. В душе. В сердце. В суставах. В горле. Глотать больно. Двигаться нет возможности. Я даже не могу вспомнить, как меня зовут, и что со мной не так, почему я слышу разные голоса, произносящие что-то на немецком, французском и английском. Почему меня тормозят... почему мне так тяжело внутри. Почему?

– Может быть, скорую вызвать?

– Да от него несёт, как от бездомного. Лучше оставить его так.

– Парень, ты живой? – Меня вновь ударяют по щеке, и я словно вынырываю из тягучего болота, слабо дёргаясь, отчего хриплый стон срывается с губ.

– От него ужасно воняет, милый. Пойдём, оставь его здесь. Он заразит нас ещё чем-нибудь...

– Подожди, у него одежда дорогая, и он весь в крови, – перебивает на английском женский голос мужской. Я дома? А где мой дом? Я... улица... да, на улице. Там всегда холодно и сыро. Всегда грязно, и я знаю там каждый угол, где могу спрятаться, чтобы переждать непогоду.

Немного приоткрываю глаза, по которым бьёт что-то красное, а затем закрываю их. Меня снова дёргают в разные стороны, я чувствую это. Как будто разрывают. То руки, а потом ноги, и в паху болит. Очень болит. Меня сбили или...

– Документов у него нет, только телефон в брюках, карточка и немного наличных. Он студент. Надо позвонить им...

– Мира... – хриплю я, когда их разговор помогает мне воскресить в воспоминаниях одно единственное имя. Вновь открываю глаза и в свете ночного фонаря смутно вижу молодую пару. Они напряжённо смотрят на меня, а я оглядываюсь. Меня усадили и прижали к стенке где-то в переулке. Как я здесь оказался? От меня, действительно, ужасно воняет. Отвратительно просто. Сейчас вырвет... стошнит к чёрту.

– Ты откуда? Тебе помочь? – Спрашивает мужчина, я даже не запоминаю его лица, а лишь моргаю, чтобы немного прийти в себя.

– Рафаэль... моё имя Рафаэль. Я... где я...

– Он англичанин. Акцент слышишь? Видишь, я говорил, что надо помочь, а ты, – упрекает мужчину девушку.

– Тебя избили? Напали на тебя?

Он ко мне обращается? Наверное.

– Нет... я не помню... не помню... мне нужно куда-то... я должен пойти куда-то, – хриплю, пытаюсь встать, но ноги не слушаются. Да я что, так надрался вчера? Сколько выпил? Я не могу понять, какой проклятый ветер меня занёс сюда, и где все? Бал... бал был, и там Флор. Да, она в больнице. Её изнасиловали, и я...я был там... с ней был, а потом... ох, блять, что происходит? Почему у меня всё болит? Подрался с Оливером? Не знаю... паникую. От этого скручивает желудок, и я кашляю, а затем меня рвёт. Рвёт жестоко и нещадно, а девушка кричит. Визжит и отбегает в сторону. Мотаю головой. Что со мной? Телефон. У меня должен быть телефон.

Вытираю рот рукавом. Грязным. С мазками крови. Видимо, да, я перепил из-за того, что случилось с Флор.

– Всё нормально... спасибо. Я сам, – бросаю взгляд на хмуро оглядывающего меня мужчину.

– Уверен?

– Он же сказал. Пойдём, мне плохо сейчас будет, – девушка недовольно тянет мужчину за собой, и они скрываются за домом, оставляя меня одного.

Пока ищу руками мобильный, оглядываю место моего ночлега. Надо же, снова помойка. Снова сброд, и моё место. Даже в таком состоянии я нашёл своё. Это смешно, и я бы посмеялся, только вот мне плохо. Внутри плохо. Очень плохо. Паршиво. Как будто меня изрезали. Исполосовали изнутри, и сейчас там гноятся мои раны.

Нахожу телефон и, облачиваясь о стену, поднимаюсь на ноги. Ох, блять, как у меня член болит. О-о-о... бордель, да, я был в борделе вчера. И... Мира, я видел её там. Чёрт, что я натворил? Что я сделал? Почему она была в борделе? Почему я помню кровь... кровь и боль? Мать твою, да что происходит со мной?!

Двигаюсь по стенке и выхожу на улицу. Я понятия не имею, как меня сюда занесло. Я, скорее всего, в Женеве. Но как добрался? Не помню. Ничего не помню. Что я принял? У меня до этого не было провалов в памяти или же я так хочу что-то забыть. Господи, что я выкинул в этот раз? Что?!

Добираюсь до лавочки, изредка мимо меня проходят люди, прогуливаясь здесь. Плевать. Смотрю на новую трещину на экране. Не везёт мне. Более десятка пропущенных вызовов от Эрнеста, от Белча, и ещё с нескольких незнакомых номеров. Что случилось?

Страх... страх того, что мои воспоминания тесно связаны с этим сгустком пропущенных часов моей жизни, до одури трясёт моё тело. Меня знобит. Зубы стучат друг о друга. Мне холодно... холодно так...

Пока я прислушиваюсь к своим ощущениям, телефон звонит, и я вижу скрытый номер. Эрнест. Прочищаю горло и пытаюсь ослабить ломку. Это ломка от алкоголя, превышенной дозы, я наблюдал её... сначала много адреналина, затем «похмелье» разума, потом наступает время озноба, и в каждой клеточке организма тебя скрючивает от боли. А боли много... слишком много для меня сейчас.

– Да... да, – голос сипит, он даже не похож на мой. Я не помню, чтобы он был настолько низким и мрачным.

– Чёрт бы тебя побрал, Рафаэль! – Раздаётся громкий крик в трубку, отчего голова звенит сильнее, я опускаю её вниз, и глубже дышу. Попить бы воды...

– Сэр, я...я...

– Ты! Ты! Ты! Да ты! Чёрт, тебе удалось меня разозлить! Где ты был практически целые сутки? Ты хоть знаешь, что мою дочь обвиняют в изнасиловании и избиении? Почему ты не доложил мне сразу же, как только началась вся эта ерунда! Моя дочь в данный момент отбывает наказание за эту чушь и моет вонючие зады каких-то стариков, когда ты развлекаешься непонятно где! – Эрнест продолжает бушевать, а я медленно... очень медленно вспоминаю то, как смотрела на меня Мира перед поездкой в госпиталь с Флор.

– Сэр, вы сказали ранее, чтобы я...я не волновал вас по делам сестринства. Они вас не интересуют, а это...

– Мне плевать на сестринство и братство, Рафаэль! Меня волнует только моя дочь, а её обвиняют в этой ереси. Я требую, чтобы ты нашёл выход до того, пока я не прилечу к вам. Ты должен договориться с той стервой, которая написала заявление, и заставить её любым способом забрать его. Предложи ей деньги, да хоть что. Напишешь мне сумму, которой мы покроем расходы и её исчезновение, а если нет, то ищи виновных или же просто козлов отпущения, иначе я выйду из себя, Рафаэль. И не дай бог, это произойдёт, то ты сразу готовься к последствиям.

– Но... но...

– Я всё сказал. Другого я не потерплю. Ты работаешь на меня. Я тебя для чего послал туда и помог твоей семье? Чтобы ты защищал и оберегал мою дочь от глупостей. А тебя где-то носит, пока на мою дочь вешают безобразные обвинения. У тебя есть пять дней, чтобы найти выход. Не доводи меня до греха.

Гудки в трубке. Издаю стон и хватаюсь за волосы. Что, мать вашу, вообще, в этом мире творится? Сейчас я чувствую себя, как будто меня вырвали откуда-то и выбросили на берег, а мне вода нужна. Вода... что он сказал? Мира наказана и находится сейчас не в стенах университета? То есть... выходит, они нашли улики, и Флор написала заявление?

Давай, Рафаэль, вспоминай. Ты должен это сделать, даже если тебе страшно. Знаю, что страшно. Знаю, что ты не хочешь возвращаться туда, и ты с собой это сделал не просто так. Ты желал исчезнуть... заснуть навсегда, только бы не болело сердце.

Итак, бал я помню отчётливо, затем Флор и то, как я нёс её на руках к больничному корпусу, потому что никто мне не помог. Они все отвернулись, и музыка вновь ворвалась в их разум, совершенно не принимая в счёт того, что перед ними была жертва изнасилования... жестокого изнасилования. И всё кружилось перед глазами. Крови было очень много, и я видел куски плоти, видел их собственными глазами, а потом скорая, больница, очень роскошная больница, куда нас отвезли, пытаюсь сделать всё тихо, и я ждал. Не мог сидеть спокойно и носился по безлюдному пространству, ощущая вонь, идущую из смотровой. Её избили так же жестоко, как и поимели. Очень жестоко. Я помню парня в белом халате, он шёл прямо на меня и заставил этим самым остановиться. Помню его слова.

– Девушка в ужасном состоянии. У неё разрывы влагалища и толстой кишки. Кровотечение, глубокие ножевые ранения и гематомы. Ко всему этому, она не в себе и вряд ли выберется из этого состояния самостоятельно без помощи психотерапии. Мы вызвали полицию, вам следует подождать здесь и заполнить формуляры, как и позвонить её родителям. Сейчас девушку переведут в палату и поставят капельницу, чтобы остановить кровотечение. Ей вколют успокаивающее и снотворное, чтобы она немного пришла в себя после случившегося, – сухо сообщает он мне.

Сглатываю от ужаса и быстро киваю.

– У неё там что-то... что-то оторвалось или это был порез такой глубокий, прямо между бёдер? – Шепчу я, а меня буквально трясёт от адреналина и возрастающей с каждой минутой злости.

– Ах, это, да. Видимо, развлечений с её телом было для насильников слишком мало, и они затронули кожу, надорвав её. Её зашивают в данный момент, но в ближайшее время она ходить не сможет, ей будет очень больно, да и швы могут разойтись. Поэтому я бы советовал вам, хотя мне это запрещено, написать заявление в полицию и выступить свидетелем. Как вас зовут?

– Эль, – выдыхаю я, даже не понимая, что говорю.

– Эль? Англичанин. Что ж, вряд ли к вам выйдет кто-то ещё, они будут заниматься девушкой всю ночь и следить за её состоянием. Поэтому вам придётся взять на себя все проблемы с полицией, как и дачу показаний, а она, когда очнётся, подпишет его. Хорошо?

Открываю глаза уже в такси, которое везёт меня обратно в стены университета. Я не остался. Я не смог вытерпеть того ужаса, который услышал. Перед глазами всё время стояла Флор, постоянно менявшая свой облик на идеальный, принадлежавший Мира, и заканчивалось всё слезами в глазах матери. И так по кругу. Не останавливалось, сверлило мою черепную коробку. А адреналина было очень много. Меня разрывало от желания отомстить. Отомстить той, кто это всё начал, и привёл к практически летальному исходу. Моему. Моей души. Моего сердца. Я не думал, что реакция на происходящее будет настолько яркой.

Я без сил. Меня не было сутки, значит, что-то должно появиться на сайте, раз Миру отправили отбывать наказание. И Эрнест прилетает? Дело плохо... чёрт, оно безобразно отвратительно. Как она могла? Как? Я должен поговорить с ней, только Мира может помочь мне разобраться во всём. Я обязан понять, почему она решилась на это?

Захожу на студенческий сайт, и мои глаза расширяются от ужаса. За последние сутки появилось десять записей. Флор в бальном зале. Затем... вот же блять. Вот же чёрт! От моего имени опубликована целая статья о том, что мы должны восстать и прекратить мириться с жестокой мерой наказаний. Я не писал этого, клянусь. Я не писал! Я не мог... не мог выдать тайну Миры, даже если она поступила так с Флор. Не мог! Но именно с моего аккаунта было это выставлено, и там же написано, что она самоубийца, и кем ей приходится Флор.

Яркое воспоминание врезается в мою голову подобно землетрясению. Кровь на моих руках. Свежая. Вонь жуткая. Перед глазами всё плывёт, и я набираю текст. Лютая злость. Ненависть. Жажда рвать и добиться правосудия до конца. Нажимаю на кнопку «опубликовать анонимно». Смех. Жуткий. Пробирающий меня до костей, отчего жмурюсь и чувствую, как громкий хлопок раздаётся где-то внутри.

Но... но... чёрт... мать вашу... чёрт... я не мог... клянусь матерью, это был не я. Не я... я бы так не поступил с ней. Даже если она чудовище. Даже если она стоит за всем этим, и я знаю, что это она. Нет...

Возвращаюсь к сайту, и далее следует видео, на котором Мира кричит всем, что это устроила она, и раздаёт зловещие обещания убить всех остальных.

О, господи, ты с ума сошла? Ты, правда, выглядишь, как обезумевшая! Что с тобой случилось? Что с нами случилось? Ты похожа на полоумную! Ты бледная... и очень красивая, даже когда говоришь эти жестокие признания в том, что могла бы скрыть. Ты должна была скрыть это... я бы помог... помог...

Далее, вижу пост, в котором рассказывается о том, что главой сестринства на время исполнения Мирой принудительно-исправительных работ в доме престарелых назначена Сиенна Сэйлор. Миру отстранили, и она находится «в подвешенном состоянии», потому что студенты и их родители требуют наказать преступницу, какой все её сейчас представляют. А также над Эмирой Райз в понедельник в стенах университета состоится внутренний суд, на котором встретятся родители жертвы и обвиняемой. А дальше только хуже. Тех парней, которые изнасиловали Флор, пока не нашли, но явная радость сквозит в каждом слове повествующего, подогревая желание остальных студентов нападать сейчас же, без промедления.

Следом выставлены фотографии дома сестринства, стены которого расписаны оскорблениями, и разбиты окна. И подобных фото много, как и некоторых девушек, бегущих из дома с вещами. Под каждым снимком язвительные комментарии и сравнения. Их травят. Из-за меня... травля безобразная, и её вряд ли можно уже остановить.

Вот же чёрт, какой хаос может разрастись за сутки. И всё началось с моих слов. Нет, не с моих, это сделал кто-то другой, но как бы моими руками. Но ведь я помню, помню теперь,

что я сам писал всё. Как? Скажите мне, как такое возможно, если я бы не решился на такое из-за того, что предпочёл бы... не знаю даже, как предложение закончить. Она созналась? Зачем? Я больше не узнаю Миру в этом видео, это не она. Я себя не узнаю. Кто-то очень похожий, но не Мира. Кто-то в моей голове, но не я. Или же я просто не видел правды, потому что любовь оказалась абсолютно слепой. Я не хотел её видеть, ведь тогда, действительно, всё означало бы конец. Конец всех моих стремлений и желаний. Мой личный конец, где начался бы новый кошмар.

Мы подъезжаем к воротам университета, и я вываливаюсь из машины, бросая водителю всю наличку, которая была у меня. Ночь сгустилась над головой. Мрачное и тяжёлое небо. Так и я иду. Еле-еле. Каждый шаг. И мой пах зудит. Какую хрень я подцепил вчера в борделе? Где я, вообще, его нашёл? И когда написал всё это. Я должен удалить... удалить это, потому что не мог я в здравом уме всё это выставить. Не мог!

Показывая карточку, прохожу идентификацию в будке охраны, оглядывающей меня с нескрываемым отвращением. Бреду, и тишина вокруг. Ужасающая тишина. Никого нет, ни на поле, ни перед университетом.словно вымерло всё живое. Люди исчезли, оставив меня наедине с путающимися и бессвязными воспоминаниями. Мне помощь нужна... мне она необходима, ведь я совершенно не представляю, что, действительно, случилось.

Подхожу к улице, где расположены дома братств. Даже флаги на них приспущены, словно скорбят там. Нет вечеринки в «Альфа», а они всегда шумят. С утра до ночи из их окон доносятся музыка и запах алкоголя. А сейчас ничего. Это пугает. Ощущение, как будто я оказался на чёртовой войне, настоящей войне, где все сидят в окопах, отслеживая приближающихся студентов, чтобы отстреливать. И я чувствую это. Чувствую, что за мной наблюдают. Затылком. Телом. Всем. Дом сестринства выглядит ещё хуже, чем на фотографиях. От былых белых стен фасада практически ничего не осталось. Они все в красных потёках, имитирующих кровь, и надписи... они устрашающие. Я уже не уверен, что мне следует идти дальше, но вариантов нет. Мне нужно вернуться в комнату и понять, как, вообще, обстоят дела. Что с Сиен? Защищал ли её Белч? Белч... он должен мне помочь. Он не бросит меня в ситуации, в которой я совершенно сбит с толку, не понимая, что мне делать и думать.

Мои шаги эхом раздаются по дому. Никого нет. Правда, никого. Внутри всё перебито. Стекло валяется на полу, шторы сорваны, от бывшего величия и великолепия ничего не осталось. Господи...

Держась за перила, смотрю под ноги и вижу валяющиеся вещи девушек, сломанные рамки с фотографиями, сорванные со стен. Иду дальше и толкаю дверь в комнату. На удивление, даже в ночи, я замечаю, что здесь никто ничего не тронул. Ничего. Всё так же чисто и убрано. Хотя... нет, вонь... та самая вонь, застрявшая во мне. Вонь мочи, алкоголя, крови и боли. Медленно иду к своей спальне, и здесь то же самое. Ко мне они не вошли. А вдруг знают, что это я написал? Вдруг они догадались обо всём и считают меня своим полководцем? Но я не он. Я сейчас же удалю эту запись и попробую как-то прекратить этот ужас. Мы должны разобраться нормально и... и хоть что-то сделать по-человечески.

Срываю с себя грязную одежду и бросаю на пол по пути в ванную, боль в голове усиливается. Она сдавливает виски, отчего я хватаюсь за волосы, желая выдрать их. Стону и падаю на колени. Помыться надо... помыться. Это похмелье. Ползу до душевой кабины и дрожащей рукой открываю её, но, как только я это делаю, меня толкает в грудь невидимая рука. Падаю и с ужасом смотрю на когда-то белоснежные шёлковые простыни. Кровь... жёлтые потёки, рвота... снова кровь.

– Мира... Мира, – хрипя, двигаюсь спиной по полу и добираюсь до её двери. Толкаю от себя...

Воспоминания в один миг врываются в мой разум, вынуждая заорать от боли. От невыносимой боли, когда, секунда за секундой, я словно вижу грязный и жуткий триллер с собой

в главной роли. Я будто со стороны наблюдаю, как луплю со всей дури девушку, не имеющую шанса закричать и остановить меня.

– Нет... нет... это не я...

А человек, очень похожий на меня, расстёгивает ширинку. Я опускаю взгляд на свои боксеры. Они в крови. Дрожащими руками стягиваю их и вижу, что весь мой член истёрт. На нём раны, и сейчас он представляет собой отвратительное зрелище.

– Нет... нет... это не я был... не я...

Мотаю головой и скулю, повторяя раз за разом эти слова, пока воспоминания отвратительно и жестоко воспроизводятся в моей голове. Они не прекращаются, наоборот, им нравится разрывать меня на ошмётки дерьма, коим я сейчас себя чувствую. И я бы всё мог придумать в эту минуту, оправдывая себя и пытаясь найти причины такого поведения, но не в силах. Я насильник. Я преступник. Я сукин сын. Я совершил настолько страшное, что это выворачивает меня наизнанку, и соль от слёз, которые катятся из глаз, сжигают моё сердце. Дотла. До последнего кусочка...

Я попал в свой личный ад, где никогда не прекратятся обвинения в том, что я сделал с девушкой, которую люблю. Не любил. Не влюблялся. Я просто люблю, и она такого не заслуживает. Она достойна хорошего завершения...

Ублюдок... подонок... мразь... как ты мог? Как? Ты же клялся, что будешь с ней до конца! Ты клялся самому себе! Ты обещал, что будешь искать выходы! Смотри, что ты сделал. Смотри и умирай. Но ты не сможешь даже подохнуть, и это будет с тобой всю твою жизнь. Ты никогда не добьёшься ничего лучшего, потому что ты ничтожество. Ты сукин сын, который повёлся своими страхами и причинил невыносимую боль ей. Она тебя не простит. Ты сам себя не простишь, ведь теперь тебе предстоит самое сложное. Дышать, не расставаясь с мыслями о том, кто ты такой на самом деле. А она вернётся... вернётся, и ты будешь подыхать каждую минуту, каждую секунду, потому что насилие для тебя неприемлемо. Но ты сделал это с ней... ты заслуживаешь смерти. Ты хотел отомстить ей тогда. Ты больше не в силах прятаться от своих воспоминаний. Тебе ничто не поможет. Ни наркотики. Ни алкоголь. Ни слёзы. Ничего. Ты заклеил сам себя и теперь попробуй с этой минуты жить дальше. Нет, не сможешь. Твоя жизнь остановилась на этом моменте. Ты изнасиловал, избил и помочился, бросив самые жестокие слова о самоубийстве, даже не имея причин этого сделать. Ты так кичился тем, что защищаешь слабых и убогих, что забыл о тех, кто, действительно, нуждается в помощи. Ты возмнил себя всесильным, так наслаждайся и подыхай, как последняя тварь на этой планете. Подыхай один, другого ты недостойн.

Глава 2

Рафаэль

Всегда наступает время, когда ты больше ничего не чувствуешь. Ты просто не можешь этого делать. Потому что голос сел от крика отчаяния и боли внутри. Потому что жизнь превратилась в тёмное и бессмысленное существование, где ты – лишь бесполезная молекула среди такого же миллиарда одарённых. И осознаёшь, что своими внутренними терзаниями и проклятиями, нытьём и постоянным самобичеванием никому и ничем не сможешь помочь. Потому что ты выплеснул все свои эмоции, пока лежал один, свернувшись в грязную и кровавую ткань, снова и снова воспроизводя в голове жестокость собственных поступков. Каждому необходимо время, чтобы принять такой расклад, где именно ты становишься карателем. Каждому человеку нужны минуты отчаяния и жуткой, дробящей кости скорби. Каждый обязан пройти через это, чтобы потом понять, как ему быть дальше. Нет, легко больше не будет. Никогда не было. Это всё лишь игра воображения. Даже смерть – не наказание, а ты должен его получить. И даже тогда ты не получишь прощения.

Озноб с новой силой стягивает моё тело. Мне холодно. Очень холодно. Огромный кусок льда внутри меня. Это моё сердце. Я не могу видеть всё чётко, а свет режет по глазам. Зубы стучат друг о друга. Меня ломает. Каждую кость. Каждый сустав. Каждое воспоминание. Они ломают меня, и я не в силах сопротивляться. Не понимаю, что со мной. Алкоголь давно уже должен был выветриться из крови. Я сейчас больше напоминаю наркомана, которому необходима доза, а не человека, собирающегося разобраться во всём и понять, кто, действительно, замешан во всём случившемся. И даже слова Миры, которые она прокричала, не убедили меня до конца, что это совершила она. Возможно, я ещё верю в неё, в ту девушку, что была в моих руках. Я верю в её улыбку и в её сердце, вне зависимости от сказанного и совершённого. Но если я верю, то как мог с ней так поступить? Что переклинило в моём сознании, раз я надругался не только над её телом, но и над её душой, над её сознанием, над нашими чувствами? И даже в том моменте я помню любовь, превращающуюся в оголённый нерв, по которому бьют током.

Открываю дверь палаты и вхожу, замечая Флор, одетую в больничный халат и стоящую у окна. Она оборачивается, и на её лице вижу пару синяков. Нет тех уродливых рисунков на коже, что я запомнил. Меня дёргает в сторону. Вытираю холодный пот со лба и сильнее кутаюсь в толстовку.

– Привет, – тихо произносит она, слабо и устало улыбаясь мне.

– Ты... не можешь ходить же... не можешь двигаться, – хриплю я, а зубы стучат. Вся челюсть болит уже от этого.

– Раф, я могу ходить, но мне неприятно ещё там, но... как-нибудь справлюсь. Со мной всё нормально. Только вот мать задолбала, как и психолог, как и эта полиция. Зачем я послушала тебя и подписала эту бумагу? Господи, я не знаю, что мне делать сейчас...

– Что? – Переспрашивая её, опускаюсь на пол у стены. Не могу больше стоять. Меня так сильно трясёт. Так больно.

– Раф, с тобой всё хорошо?

Флор подходит ко мне. Нормально подходит, но... как такое может быть? Ведь я помню всё совершенно иначе, а она даже выглядит хорошо. Намного лучше, чем я и Мира, после того, что я с ней сделал. Я хотел сделать то же самое, что она с Флор, но не могу понять, как додумался до этого. Что послужило причиной подобного поведения. Потому что я уверен, что по собственному желанию никогда бы не поступил так. Никогда. Не с ней. И этот кошмар снова врывается в мою голову. Я и так на грани безумия.

– Боже, Раф, у тебя так зрачки расширены. Ты заболел? У тебя температура или...

– Почему ты ходишь? Ты не должна ходить. Тот парень... он сказал, что с тобой всё плохо. Ты очень плоха, и тебя зашивают. Тебя изнасиловали очень жестоко и грубо... у тебя множество разрывов... кровотечение... вагинальное... анальное. Ты не должна... не должна стоять и улыбаться... – бормочу я, срывая дыхание с каждым словом.

– Кто тебе это сказал? Это же ложь, Раф. Да, я... боже, мне так стыдно из-за того, что произошло. Я, наверное, сильно напугала тебя, но сама так боялась. Не знала, куда идти, и вспомнила, что ты ещё на балу. Меня осмотрели. Да, порезы есть, но это я виновата. Упала несколько раз на что-то острое. И там, в той комнате, куда меня затащили, я ничего не видела. Меня ударили по лицу, а потом по голове. Ну и... не могу дальше, очень стыдно, – шепчет Флор, опуская голову, и из её глаз каплют слёзы.

– Нет, нет, ты ошибаешься. Ты написала, что тебя порезали, и у тебя разрывы внутри. Ты... я видел кусок плоти между твоих бёдер... я видел, и тот парень, медбрат, он сообщил мне, что вызвал полицию...

– Раф, успокойся. Раф, – Флор перебивает меня, испуганно смотря в мои глаза.

– Такого не было. Ты вызвал полицию и дал за меня все показания, а потом пришёл ко мне и заставил подписать заявление. А я не соображала, что делаю. Раф, ты что? Ты пьяный, что ли? – Девушка поднимается на ноги и медленно отходит от меня.

– Я не вызывал никого! – Возмущаюсь, и это помогает мне встать с пола.

– Раф...

– Мне сказали, что они вызвали полицию и попросили дать показания, но я ушёл! Я ушёл отсюда, потому что не смог бы этого сделать! Меня не было здесь! – И я хочу орать, но хрипло рычу, направляясь к побледневшей Флор.

– Раф, пожалуйста, ты меня пугаешь. Это был ты. Ты пришёл ко мне, когда меня перевели сюда, и заставил всё подписать. Ты выдумал много того, чего не было, я только сегодня всё прочла, когда они снова пришли ко мне. Ты орал и настаивал на том, что Мира должна быть уничтожена. Ты сказал, что отомстишь за меня...

– Нет! Нет... я не мог... не мог. Я видел тебя в последний раз перед тем, как тебя на осмотр увезли. И там кровь была... там куски были... ты сама говорила, что они сделали с тобой! Кто это был? Кто там был, Флор! Говори! – Наступаю на неё, а она вжимается в стену, жмурясь от страха.

– Не видела я... темно было... они даже не говорили ничего... только... только насиловали, и всё... закрыв мне рот. Раф, прошу тебя, успокойся. Умоляю тебя, ты заболел и не можешь нормально мыслить... Раф...

– У тебя были сгустки крови. У тебя были разрывы, ужасные разрывы, тебя анально отымали... в задницу трахали и... Я сам посмотрю. Ты не должна ходить... не должна ходить, ты обязана лежать и подышать здесь от боли, – мои трясущиеся руки дотрагиваются до девушки, я шарю по её бёдрам, даже не слыша, как она кричит и зовёт на помощь.

– Я не больной... я не сумасшедший, ты была вся в крови, была вся в крови, – говорю себе под нос, поднимая её больничную сорочку. Флор кричит, плачет, пытается вырваться, а я ничего не соображаю. Я же видел её... видел того парня, я не сошёл с ума! Я не рехнулся от боли! Я...

Меня резко хватают за толстовку и отрывают от Флор. Падаю на пол, а голову наполняют крики и визг, как и незнакомые мужские голоса.

– Ах ты ублюдок! Решил довести дело до конца? – Меня ударяют по животу. Скрючиваюсь и кашляю. Ничего не чувствую. Мне холодно... там была кровь, её диагноз... она не должна ходить...

– Нет, мама, нет. Он просто не в себе. Не трогайте его, – молит Флор, когда меня поднимают с пола под руки.

– Как вы допустили это? Почему на мою дочь снова нападают? Этот парень работает на ту суку, которая сотворила страшное с моим ребёнком! Я засужу вас...

– Мама! Хватит! Хватит! Он помог мне!

– Закрой рот, Флоренс! Я запрещаю кому-то входить сюда, кроме меня, лечащего врача, психолога и полиции, пока я не засажу эту тварь вместе с её отцом! Живо уберите его отсюда, и если хоть волосок упадёт с головы моей дочери, то и вас засужу! Какое безобразие! За что мы платим?

– Мама...

Голоса удаляются, пока меня тащат из палаты. Ноги елозят по полу, и я не понимаю больше, что происходит со мной. Я не больной, ведь чётко помню то, что сделал. Всё помню, до единой минуты. Помню, мать вашу! И слова Флор и то, где находился. Как вышел из университета. Как шёл. Как заснул в подворотне. Не было ничего, что могло быть похожим на рассказ Флор. Может быть, я ничего не вспомнил? И заставляю себя не делать этого, пытаюсь хотя бы дышать и не прикончить самого себя от осознания того ада, которым одарил всех разом, в особенности Миру. Ведь если всё правда, и это я вынудил Флор подписать заявление, а её раны не настолько ужасны, как мне казалось в тот момент, то я... блять... то я просто уничтожил всё живое в той, кто до сих пор занимает своё место в моём сердце. До сих пор... чёрт, мне так больно.

– Ребята, что вы делаете? – Удивлённый женский голос слышится напротив, отчего мужчины останавливаются.

– Да парень там устроил целое шоу. Нам и так достаточно проблем, так ещё и он. Напал на девушку и вызвал переполох, – отвечает один из них.

– Я не...

– Надо вывести его, пока наши головы не полетели, – не позволяя мне вставить слово, добавляет другой.

– Напал? Не может быть, я помню его. Вроде бы Рафаэль, да? – Женщина, наверное, одного возраста с моей мамой, обращается ко мне, вызывая симпатию, быстро киваю в ответ.

– Так он же вчера и привёз её. Вряд ли он смог причинить своей девушке боль. Наверное, до сих пор в шоке от того, что сделали с его любимой...

Нет... нет, всё не так. Я сделал это, слышите? Я причинил своей девушке боль, считая, что она заслужила это! Я насильник!

– Я разберусь с ним, а вы идите на пост, иначе, действительно, головы полетят, – женщина мягко улыбается мне, когда мужчины меня отпускают. Чуть ли не падаю, но меня подхватывают за талию, и я встречаюсь взглядом с добрыми карими глазами.

– Пойдём. Тебя знобит. Вероятно, так сказывается стресс, который ты получил вчера. Присаживайся, я воды тебе принесу, – она помогает мне дойти до кресла, и я падаю в него.

И это место есть тоже в моей памяти, только я не сидел, а метался, словно обезумевшее больное животное. Чуть ли не на стены прыгал от сильного адреналина. Почему? Почему Флор утверждает, что именно я написал заявление, когда этого не было? Может быть, я, действительно, рехнулся тогда? С ума сошёл от боли и раскаяния? И теперь просто представляю собой кусок никчёмного дерьма, когда раньше был просто дерьмом.

– Держи, – мне протягивают пластиковый стаканчик с водой, и я принимаю его трясу-щимися руками.

– Успокойся, твоей девушке уже ничего не угрожает. Конечно, это ужасно, что вы познакомились с подобной жестокостью, но она, по словам психолога, в порядке. Вы переживёте это, только необходимо поддерживать друг друга. Вам предстоит с ней пройти долгий путь прежде, чем она будет воспринимать окружающих без ощущения угрозы нападения...

– Что... что с ней? Какой диагноз? – Шепчу я, перебивая её бредни про будущее. Да что за хрень? Господи, мне жарко. Дышать нечем.

– Побои на лице, синяки на бёдрах, рваные раны, но нанесены не насильниками, а самой жертвой, останется пару шрамов, да и те забудутся. Она упала на стулья, когда её толкнули, и поранилась. Это заживёт, а вот душевное состояние...

– Анально? Её имели в задницу? А там, во влагалище у неё теперь месиво, да? Оттуда кусок какой-то выпал, – допивая воду и дую себе под толстовку. У них что, кондиционеры не работают?

– Рафаэль, нет, всё не так страшно, как тебе показалось сначала. Кровь от ран размазалась по телу, видимо, пока она шла и ползла. Последствий анального секса не замечено, а вагинальный... что уж скрывать, до этого она была девственницей, но, слава богу, они сжалились над ней и не оставили разрывов. Возможно, испугались, когда заметили у неё кровь и продолжили издеваться только морально. Мне жаль, что ты слышишь такое, ведь быть первым у той, кого ты любишь...

– Вы уверены? Уверены, что ничего из перечисленного у неё нет? А как же кусок? – Недоумённо спрашиваю я, облизывая сухие губы.

Женщина хмуро оглядывает меня, а я не верю... не верю, ведь я слышал это. Я же видел всё собственными глазами.

– Скорее всего, это была оторванная часть её платья. Оно окрасилось в цвет крови из ран, и тебе показалось из-за сильного шока, что это нечто инородное выпало из её тела, – медленно объясняет она.

– Но... но этого быть не может, понимаете? Ко мне вышел медбрат, примерно моего возраста, он был в белом халате, и сказал, что она в ужасном состоянии, ей будут делать капельницы, и толстая кишка разорвана. Он просил меня остаться и дать показания, но я ушёл... ушёл я, а она говорит, что я был здесь. Но я был в другом месте... я делал страшное в это время... очень страшное, – шепчу, подскакивая с места и указывая на дверь, из которой по моим воспоминаниям, вышел медбрат.

– Рафаэль, – вздыхая, женщина поднимается из кресла и приближается ко мне. – Ваш директор попросил меня следить за всеми, кто приходит сюда из вашего университета. И я, как человек, работающий в этой клинике, хочу спросить: «Ты употребляешь наркотики?»

– Что? Нет! Я не наркоман! Я напился, и меня похмелье так долбит! – Возмущаюсь я, отходя от неё.

– Твои симптомы очень похожи на ломку, понимаешь? Я видела, как ты вошёл сюда, и тебе было холодно. Ты дрожал, у тебя был бегущий взгляд, как будто боялся чего-то, а теперь сильно потеешь. У тебя жар, Рафаэль, зрачки расширены, ты дёрганный и не можешь нормально мыслить. Возможно, тебе показалось, что отсюда кто-то вышел, потому что медбратьев у нас нет. Из мужчин здесь работают два хирурга и трое уборщиков, всем за сорок, – она говорит со мной, как с больным, но я не такой. Я нормальный! Я не наркоман! Я никогда не употреблял и не буду! Я не стану похожим на отца! Нет!

– Давай мы пройдем в более спокойное место и посмотрим, что с тобой. Волноваться не о чем...

– Нет... я не принимаю ничего. Он был здесь, сказал мне всё это, и по этой причине я пошёл к Ней. Я дотронулся до неё! Из-за него и его слов я причинил невероятную и убийственную боль той, кого люблю! Не приближайтесь ко мне! – Кричу я и, перепрыгивая через кресла, несусь к выходу. Я знаю, что означает этот тон и её заверения в том, что меня только осматрят. Они хотят найти крайнего. Меня! Эрнест начал выполнять свои угрозы, и теперь я должен бежать!

Я несусь мимо людей, смотрящих недоумённо мне вслед. А в голове только одно – они не поймут меня, больше не поймут, я не дам им снова притащить меня в полицию и обвинять в продаже наркотиков. Это не моя прихоть! Не моё желание! Не моё! Не я это!

Лёгкие сводит от сухости. Останавливаясь, вытираю рот и слюни, капающие с губ. Чёрт... внутри меня всё крутит, тянет каждую мышцу, и мне надо сесть. Падаю на землю, сжимая руками голову. Нет, встать надо. Надо встать и идти куда-то... идти куда-то... идти...

В мыслях бардак. Я больше не вижу нормально, только пятнами. Тошнит, и всё по новой: то сажусь, то встаю, то бегу, то зажимаю голову. Мне снова холодно, а потом жарко. То снимаю, то натягиваю толстовку, пропитавшуюся потом. Теряю счёт времени и почему-то оказываюсь в темноте, где-то в углу, забиваясь туда, чтобы подумать, понять, что со мной.

Ломка... ломка. Это невозможно, я не принимаю наркотиков, потому что постоянно вижу, что они делают с людьми. Наблюдаю, как они дохнут на моих глазах. Я это сделал. Насильник! Убийца! Скотина! Ничтожество! Это всё я...я...чёрт, как мне больно.

Мне нужно что-то принять. То, что поможет мне выбраться из этого ада. Я знаю, где это достать. У меня есть деньги... есть деньги, я куплю себе то, что даст мне свободу. Да... да... я должен это сделать, иначе подохну... нет, не могу, Мира... я так ужасно поступил с ней. Если это правда, все слова Флор правда, то у меня были галлюцинации... они заставили меня поступить так с ней... чёрт, мне надо ещё... ещё надо.

Нет, нельзя. Отца вспомни. Вспомни этого ублюдка. Неужели, хочешь быть таким же? Поможешь ты Мире этим? Её могут посадить из-за тебя, Рафаэль! Посадить! И тебя кто-то использовал... кто-то сделал это с тобой, чтобы забрать у тебя единственное ценное в этом проклятом и ограниченном мире. Они напали на тебя и на неё. Подумай... думай о ней. О Мире думай... думай о ней. Давай, ты сможешь. У тебя выхода нет... она не простит тебя. Никогда не простит того, что ты сделал с ней. Но у тебя ещё есть шанс помочь ей... ты обязан помочь ей и найти виновных. Обязан хотя бы так доказать себе, что не всё потеряно! Давай! Прими решение, которое даст тебе возможность выжить!

Глава 3

Рафаэль

Затравленный зверь. Мечу взгляд то в одну сторону, то в другую. Едва иду. Кусаю ногти. Сгрыз уже до крови. Мне больно. Больно, и я не могу сам справиться со всем этим. Но ради неё иду. Я должен.

– Добрый вечер. Чем мы можем вам помочь? – Миловидная девушка за стойкой регистрации обращается ко мне.

– Да... да... я хочу сдать анализ на наркотики. Анонимно. Это возможно? – Хриплю я, постоянно оглядываясь. Эрнест где-то рядом, он следит за мной, и Скар тоже здесь. Они поймали меня, но не дам им настигнуть себя сейчас. Прячусь.

– Да, конечно. Вам нужно пройти к кассе, оплатить анализ, и получить формуляр, который вы должны заполнить. Далее вы пройдёте по коридору к третьему кабинету, и вас вызовут. Результаты будут готовы через три часа. Вы будете это оплачивать? – Не меня выражения лица, интересуется она.

– Да... да... да... я должен, – быстро киваю ей, и девушка указывает рукой на другую стойку, окружённую стеклом.

Меня шатает. Кости ломает снова. Чёрт, опять холодно. Голова болит. Её разрывает к чертям, как и рвотные позывы вновь наполняют меня. Нечем уже... нечем.

Передаю деньги и получаю бумагу, составленную на английском, в которой нужно заполнить данные. Вписываю туда просто «разбитый». Бреду к кабинету, и никого нет. Только я один вот такой. Мне не по себе, я чувствую, что все здесь специально собрались, чтобы поймать меня и притащить туда, где начнётся новый ад.

Я не помню, чтобы что-то принимал. Не имею права на это, ведь при рождении у меня уже была ломка, от которой я едва не умер. Мама поэтому и сбежала из больницы со мной, чтобы отца не посадили, а потом мы переехали в тот самый район, где я и стал ублюдком. Вот это и не позволило мне подсесть на подобное развлечение, ведь я изначально зависим. А сейчас... я понимаю, что та женщина в больнице была абсолютна права. Ведь я не раз наблюдал за подобным поведением, и все эти слова, разнящиеся с лично моей правдой, в очередной раз подтверждают, что я был под кайфом, выдумав для себя другую реальность, в которой превратился в чудовище, тронувшее самое дорогое для меня настоящего в этом месте.

Меня приглашают в кабинет и объясняют ход процедуры, а я даже не слышу, что мне говорят. В голове стучат разные мысли, начиная от поиска новой дозы и заканчивая желанием сброситься с высоты и разбиться. Их нельзя контролировать, это просто невозможно. Это наркотик. Он намного сильнее, чем человек, война с ним жёстче, чем с окружающим миром, потому что он в тебе. Все считают, что люди, падшие на дно – конченные мрази, на которых не стоит обращать внимания и лучше обходить стороной. И это правда, но никто не знает, что каждый из них с радостью бы выбрался из этого дерьма. Каждому из нас нужна помощь, искренняя забота и хотя бы грамм счастья. Наркотики – способ создать свой собственный мир, где всё хорошо, где ты что-то значишь, где ты необходим. Одиночество, вот что толкает людей превращаться в ходячие скелеты и убивать ради дозы. Я не хочу быть одним из них... не хочу, потому что знаю, насколько настоящая радость и тепло в груди отличаются от иллюзий того же самого.

Передав медсестре баночку с мочой, выдерживаю измерение давления и температуры, проверку зрачков и реакцию на свет, отвращение и нежелание дотрагиваться до меня даже в медицинских перчатках. Мне сообщают о времени, когда будут готовы результаты, и просят прийти позже. Но я боюсь отсюда уходить. Я не в себе. Боюсь, что могу совершить страшное,

способное вынудить меня стать таким же, как отец. Я боюсь сорваться, потому что у меня в крови зависимость, и она лишь ждёт своего часа, чтобы проснуться и утянуть в свой ад.

Я говорю милой девушке стоящей за стойкой регистрации, что буду в дальнем углу. Она хотя бы улыбается мне и спокойно кивает, наверное, жалеет. Надеюсь, что жалеет меня... да, как бы это ни было противно, порой людям жалость тоже необходима. Они желают знать, что о них кто-то думает и переживает. Именно так мы понимаем, что не одни в этом мире. Возможно, я выдумываю сейчас отношение незнакомой девушки к себе, но это поможет справиться с трясучкой во всём теле.

Беру со стойки бумагу и карандаш, бреду в угол, замечая, что людей здесь много. В основном это бездомные, которых пытаются вернуть родные. Они просят их, плачут и умоляют пройти обследование, лечь в клинику, и в ответ видят лишь безразличие на свои слова. Это страшно. Очень страшно, поэтому мне жаль их. Они потеряли своих любимых и больше не обретут.

Забиваюсь в угол, вытирая пот с лица. Достая мобильный и кручу в руке, ударяю им по коленям и снова кручу. Мышцы начинает ломить с ужасающей силой, но я терплю. Если я поднимусь и начну носиться по залу, то это только усугубит моё положение. Лучше сидеть и не двигаться. Пытка. Думать... должен думать...

Кто сделал это со мной? Кто? Что я сделал с Мирой?

Бросаю взгляд на телефон и грызу ногти. Порываюсь написать или позвонить. Но что я скажу?

«Прости меня, это был не я, а наркотики, которые владели моими чувствами. Как ты? Нормально? Нет? Мне тоже хреново. Прости меня... прости меня...»

Бред, правда? Конечно, она не ответит. Она навсегда похоронила воспоминания. Я их убил. Её убил, и мне хочется сдаться. Пойти в полицию и во всём признаться, только бы как-то поправить положение. Но ничего уже не сделать. Ничего, потому что это случилось. Нельзя вернуть время и изменить что-то. Мне придётся жить дальше, а чтобы это получилось, я обязан понять, когда и кто вколол мне наркотики. Я знаю, что меня подставили. Знаю, что они добивались моего неадекватного и неменяемого состояния, и получили больше, чем ожидали. Я принёс смерть единственному человеку, который был для меня важным здесь. И мне нужно куда-то это выплеснуть. Нужно кому-то рассказать всё. Нужно...

Карандаш трясётся в моей руке, но я выплёскиваю всю свою боль с самого начала. Именно это должно помочь мне вспомнить, когда произошло страшное. Когда они смогли подобраться ко мне так близко, чтобы накачать дрянью. Мой путь до места проведения бала. Мои мысли и терзания. Бокал шампанского, который я беру, не обращая внимания на то, кто мне его подаёт. Он единственный на подносе. Только один, для меня. И я пью его, до дна пью, ища её глазами. Её слова... моё отчаяние... прощание...

– Сэр, ваши анализы готовы, – до моего плеча дотрагиваются, и я подпрыгиваю на месте, затравленно поднимая голову. Девушка приподнимает брови от секундного удивления, а затем указывает рукой за спину.

– В пятом кабинете вас ждёт врач, у него ваши анализы. Первая консультация бесплатна, – добавляет она, пока я грязными и изгрызенными до крови пальцами собираю с пола рисунки.

– Спасибо, – кивая ей, прижимаю к груди бумагу и, шатаясь, иду к нужному кабинету.

Когда я вхожу в него, то в нос бьёт вонь медикаментов, а в голове ярко вижу, как и из чего можно быстро собрать дозу для расслабления стянутых суставов и мышц.

– Добрый вечер. Присаживайтесь, – мужчина в возрасте, говорящий на английском, указывает мне на стул, стоящий в небольшой комнате.

– Какой... что там? – Спрашивая его, опускаюсь на стул и облизываю губы. Снова жарко. Я сгораю изнутри.

– Амфетамин был обнаружен в вашей моче, – отвечает он, бросая взгляд на анализ.

– Какой именно? ЛСД? Экстази или...

– Этого уже не узнать, другие элементы растворились. Вы приняли его больше, чем двенадцать часов назад, но амфетамин остаётся в организме дольше, чем остальные препараты. Он может...

– Я знаю всё о наркотиках и галлюциногенах... мне не нужна вводная лекция. Выходит, порошок был с ним. Я не помню, чтобы мне что-то кололи, значит, только порошок или таблетка. Причём очень большая доза... чёрт, – закрываю глаза, теперь точно зная, почему галлюцинации стали моей гибелью. Они быстро распространились по организму и захватили мой мозг, показывая мне то, чего не было. Шампанское, с него всё началось. Уверен... один бокал, иного из чужих рук я не принимал за этот день, я был слеп и глух ко всему, слишком сильно скорбя внутри из-за обстоятельств. Идиот! Придурок!

– Скажите, как часто вы употребляете подобные вещества? Были ли ещё какие-то, к примеру, героин?

Он что, совсем тупой? Я же только сказал, как обстоят дела.

– Нет, я не наркоман, – недовольно отвечая, поднимаюсь со стула. Здесь мне делать больше нечего.

– У вас ведь нет никакого лекарства от ломки, верно? – Как бы невзначай, интересуюсь, хотя знаю ответ.

Врач лишь усмехается и отрицательно качает головой.

– Но есть места, где помогут справиться с этим и пережить боль, как и исключить возможность вновь подсесть. У нас высококвалифицированные врачи. Кураторы у каждого пациента после выписки и лечения, – замечает он.

– Мать вашу, какие же вы убудки, – мои губы растягиваются в улыбке, а кожа снова трескается.

– Вас лишь волнует, как бы скорее и выгоднее продать услугу, чтобы выманить из людей деньги, которые вы видите в каждом человеке. И вы так любите рассказывать, насколько офигенная жизнь после, только... всё это такая хрень. Вы не в силах ничего изменить, ваши грёбаные предложения и услуги ничего не изменят, потому что «после» жизни нет. Есть лишь вина, боль и раскаяние в содеянном...

– Хм, молодой человек...

– Вы ни черта не можете предложить, чтобы я избавился от всего этого дерьма, которое было «до». Вы не вернёте мне любовь и девушку, которую я убил. Ни ваши крутые лечебницы, ни ваши слова, ни ваши проклятые услуги. Вы не соберёте то, что разрушено внутри меня, то, что я разрушил собственными руками... не соберёте. А весь ваш бред оставьте для тех, кто хотя бы во что-то верит, я же уже давно мёртв, – зло шиплю я и вырываю из его рук бумагу.

– Мне вызвать полицию, и вы сделаете чистосердечное признание? – Врач хватается за телефон, намереваясь сдать меня. Передёргивает от холода, облизываю губы, стараясь не тратить силы. Они мне ещё понадобятся.

– Можно убить человека без ножа и пистолета. Можно забрать у него самое ценное – любовь. Вот она идеальный киллер всех чувств и стремлений. И я это сделал с нами обоими, но я найду тех, кто заставил нас пройти через всё это. Я найду... а вы продолжайте наживаться на смерти и обещать людям несбыточное. Вы продаёте надежду, только вот у вас нет на это прав. А такие, как я... найдут новую причину, чтобы выбраться из этого дерьма без вашей помощи, – бросаю я и, распахивая дверь, хлопаю ей и иду к выходу. Нет, я бегу, потому что слова тоже сложно контролировать. Мысли скачут, перебрасывая меня то в прошлое, то оставляя в более или менее ясном уме.

Набрасываю на голову капюшон и иду к дороге, чтобы найти такси, водитель которого согласится отвезти меня обратно в стены проклятого и тёмного королевства, где обитают враги.

И я начну их искать... завтра... наверное, завтра. Я понимаю, что времени у меня очень мало, и уверен в том, что Мира не делала этого с Флор. Она бы не смогла... та девушка, которую я любил, никогда бы так не поступила. Она бы придумала иной способ, но не насилие. И, Господи, я не могу не корить себя каждую секунду за то, что с ней сделал. Не могу. Ведь никому не объяснишь, да и не поверят мне, если скажу, что это был не я. Мне нужна помощь... мне очень нужна помощь... ведь я не всё ей рассказал. Для меня подобное губительно, у меня в крови зависимость.

Набираю дрожащими пальцами номер Белча. Не отвечает. Сбрасывает мой звонок. Я больше не знаю к кому обратиться, чтобы он выслушал меня и подсказал, куда мне двигаться дальше. Кто мог это всё подстроить так, чтобы выглядело настолько ужасно для меня. Если честно, то я даже Белчу не доверяю. Никому больше не верю, даже себе. И всё же иду, шараясь от всех проходящих мимо меня студентов, на наше место, где мы обычно встречаемся с ним. Парень сидит на столе и, замечая меня, спрыгивает с него.

– Привет. Мне нужна твоя помощь...

Не успеваю я поделиться с ним тем, что со мной произошло, как получаю удар в челюсть, от которого падаю на землю. Ноги уже не держат. Силы на исходе. Вот что делает амфетамин. Сначала ты считаешь, что он дарит тебе энергию и показывает другой мир, для каждого разный. Для меня отвратительный. А потом ты понимаешь, что никакого адреналина не было, ты тратил свою жизненную энергию на бесполезную иллюзию, в которой стал монстром, настоящим преступником, разрушающим человеческие души.

– Вот тебе, ублюдок, моя помощь, – ещё один удар ногой по животу. Обхватываю руками грудь, пытаюсь дышать, не могу...

– Белч... пожалуйста...

– Я верил тебе, считал тебя другом, а ты так поступил с нами. Спасибо за то, что вновь доказал мне – здесь нельзя никому доверять. Мудак, – пихает ногой в плечо, разворачивая меня на спину, а я хриплю. В эту минуту я не только потерял силы, но и человека, которым, как оказалось, тоже дорожил. И всё из-за этих ублюдков. Из-за них мир так перевернулся, и сделал меня врагом. Я сам виноват... виноват, что не видел ничего, кроме своих чувств. Вот насколько они опасны. Они убивают лучше любого наркотика.

Не знаю, сколько лежу так, глядя в темнеющее, тяжёлое небо. Кажется, я даже подремал немного, то приходя в сознание, то оставляя его где-то далеко. Я не чувствую боли сейчас, только пустоту. Да-да, именно пустоту, утягивающую в свою воронку, ломая меня изнутри вновь и вновь. Надо же, как странно понимать сейчас, что жестокость не такой ужасающий страх для меня, как ломка. Хотя это синонимы для меня. Я так опасался, что девушка, которую первый раз в своей жизни впустил в сердце, окажется хладнокровной и убийственно бессердечной к другим, что забыл обо всём на свете. Мне было страшно вновь принимать такие обстоятельства, которые разорвут на части, и в очередной раз придётся собирать самого себя по кусочкам. Наверное, я слабак и трус, раз мои страхи стали сильнее, чем чувства. Возможно, любовь – это слишком громкое заявление, и этим нельзя описать всё, что происходило между мной и Мирой. Ведь если бы это было, действительно, крепкое и нерушимое сердцебиение, одно на двоих, то даже под властью галлюциногенов я бы никогда не позволил себе сделать того, что сотворил с ней. Выходит, я ещё и лжец. И я не хочу быть таким. Жалким. У меня ещё есть шанс доказать ей, что я не потерял и не конченный урод, у которого нет сердца. Я другой.

Мысли, блуждающие тёмными пятнами в моей голове, помогают подняться на ноги и, постоянно оглядываясь, идти к дому сестринства. Замечаю несколько студентов, и они, улыбаясь мне, здороваются, а я опускаю голову, не желая такого. Откуда они все меня знают? Почему каждый, мимо кого я прохожу, пытается заговорить со мной, и все они, поворачиваясь, перешёптываются. Как они могли узнать, что это я написал? Как? И я отчего-то уверен, что гнилая популярность, живущая сейчас в стенах университета, берёт свои истоки именно из той статьи,

которую ни за что бы не выставил, будь я в здравом уме. Или же это были мои тайные желания показать им всем, что из себя, действительно, представляет Мира? Нет... меня пугают подобные мысли, они означают, насколько я грязный ублюдок. Нет... нет... я не хотел всего этого. Не хотел, правда, я лишь желал быть кем-то особенным для одного человека.

Когда подхожу к дому сестринства, то вижу, как одни парни из братства «Альфа» выносят сломанную мебель, а другие красят стены. Каждый из них замечает моё присутствие. Они злятся, молча испепеляя меня взглядом, а я иду дальше. В доме осталось не так много девушек, насколько я запомнил, и они все что-то делают. Кто-то отмывает стены, кто-то подметает, кто-то вешает новые занавески и шторы. Они работают и восстанавливают своё место жительства, это удивляет и немного радует. Они сплочены одной идеей. Они, действительно, другие, отличающиеся от стада, готовящего новую атаку. Они, правда, заслуживают быть чем-то большим, чем просто серая масса.

Поднимаясь к себе, тихо закрываю дверь и падаю на постель. Сжимаю руками голову и ощущаю, как ноет скула, но это не идёт ни в какое сравнение с ноющим сердцем. Оно скулит.

– Пришёл. Надо же, сколько наглости в тебе, – звонкий от злости голос заставляет поднять голову. Свет включается на столе, и я вижу девушку, с искажённым от отвращения и ярости лицом.

– Сиен...

– Нет! – Повышая голос, она подскакивает со стула и подходит ко мне. – Не смей оправдываться, потому что оправданий для тебя, жалкий урод, нет. Ни единого.

– Сиен, – шепчу я, вытирая ладонью пот и кровь, засохшую на губах.

– В связи со сложившимися обстоятельствами, я требую, чтобы ты немедленно собрал свои вещи и убрался отсюда. Из нашего дома, а лучше из нашей жизни. Ребята нашли тебе место в общем корпусе, туда и проваливай. Я такая дура, надо было слушать Миру, должна была слушать её, но посчитала, что ты другой... ненавижу тебя! – Девушка шлёпает меня по плечу, а я жмурюсь. Ну вот как ей что-то сказать, когда я стал врагом номер один для всех, да и ломка продолжает издеваться над сознанием, телом, костями?

– Послушай, я не хотел...

– Не хотел? Вряд ли, Рафаэль, ты не хотел. Когда не хотят, то не делают всего этого! – Возмущается она.

– Я...

– Ты у меня семью отнимаешь, ублюдок! Обо мне никогда никто не заботился, потому что самая младшая, камень на шее у родителей! Меня отослали сюда, чтобы я нашла хотя бы кого-то, кто купит меня подороже! Но именно Мира заставила меня понять, что я заслуживаю большего! Я имею право любить, как любой человек! А ты отнял у меня её! Она моя семья! И за свою семью я тебя убью, понял? – Кричит Сиен, ударяя меня маленькими кулачками, и захлёбывается слезами. Она бьёт меня по голове, по плечам, а мне жаль... просто жаль. Даже в своём состоянии я понимаю, что никто мне не поверит, пока я не докажу обратное, пока не помогу...

– Что ты с ней сделал? Нет, я даже боюсь предположить. Кровь. Та простыня, вонь... чёрт, как ты мог? И вот это, – в меня швыряют «бабочкой».

Нет... не напоминай... я всё отдам тебе, только не надо возвращать меня в ту ночь. Мне больно... больно.

– Лицемерие – это твоя сущность, Рафаэль. Мне тебя искренне жаль, потому что та сука, из-за которой ты в очередной раз доказал моему близкому и любимому человеку, что она несёт с собой только боль и разрушения, намного сильнее, чем ты думаешь. Эмира Райз, действительно, королева этого ада, а ты – лишь период, который сделает её ещё сильнее. И я буду рада помочь ей уничтожить тебя вместе с этой шлюхой Флор...

– Где этот урод? – Дверь спальни с треском открывается, обрывая полный яда монолог Сиен, и на меня налетает Белч, хватая меня за толстовку и поднимая на ноги.

– Ты что...

– Сукин сын! Тебе не хватило всего того, что ты устроил? Не хватило, я спрашиваю? Какого хрена ты творишь сейчас? Крови мало? – Он трясёт меня. Чёрт, меня сейчас вырвет... прямо на него вырвет.

– Белч, что ещё случилось? – испуганно спрашивает Сиен.

– Он выставил её фото! Те самые фотографии, помнишь? На сайт выставил! Видимо, Мира рассказала ему об этом и показала, в каком скрытом файле они находятся! Мудак! Я тебя убью! – Рыча, толкает меня на кровать и замахивается. Не сопротивляюсь, я даже не понимаю, о чём, вообще, разговор. Что он имел в виду? Да и, в принципе, мне очень плохо, и я не в силах сконцентрироваться на происходящем. Слишком много событий. Слишком много боли. Слишком... всё слишком... удар по лицу, и крик Сиен. Дёргаюсь, кашляю и не делаю попыток освободиться. Не могу. Подобное состояние, которое я переживаю сейчас, вкупе с мыслями о многом, и ни одной нормальной, делают меня жалкой мягкой грушей для битья.

– Белч, не надо... не надо. Он знает о нас, знает, слышишь? Если он Миру не пожалел, то неизвестно сколько ещё информации он готов продать этому стаду тупых овец. Он не остановится, а мы должны помешать этому, поэтому должны сейчас всё решить спокойно, – меня отпускают под мягкий шёпот.

– Спокойно? Ты в своём уме? Время разговоров прошло! И благодаря всему тому, что ты перечислила, я и собираюсь убить его. Нет человека, нет дерьма, которым он наполнен...

– Белч, заставь его удалить их. Это намного лучше, чем если он заявит на тебя завтра или сегодня, как только ты выйдешь отсюда. Тебя тоже посадят! Пожалуйста, Белч, просто заставь его удалить запись и фотографии.

Приоткрываю глаза, и голова шумит. Валяюсь на кровати с раскинутыми в стороны руками и смотрю в потолок. Голоса сливаются воедино. Я не могу больше так. Не могу.

– Где твой ноутбук? – Меня пинают по ноге. Не двигаюсь.

– Где, мать твою, я спрашиваю? – Поднимают за волосы, грубо сжимая их, и я встречаюсь с обозлённым взглядом Белча.

– Я... я не знаю, – одними губами отвечаю ему.

– Прекрати притворяться! Блять, Сиен, я, правда, сейчас убью его! Он предал не только её, понимаешь? Меня тоже предал! А я доверял ему! Я ему о многом рассказал, и теперь он будет уничтожать нас по одному! – Орёт Белч, таща меня за волосы. Я даже боли не чувствую, когда падаю на пол, когда он вырывает луковицы волос, когда пинает снова в живот под просьбы Сиен остановиться. Надо же, я даже оправдываю его. У него есть причина меня ненавидеть. Есть... возможно, это намного лучше, чем испытывать ломку и бояться каждого шороха, своего дыхания и срыва. Пусть так, пусть будет больно потом физически, чем там... внутри скулить, молить о прощении... пусть так...

– Рафаэль, – меня бьют по щеке, и я распахиваю глаза. Спать хочется. Очень хочется спать и плевать одновременно.

– Я не хотел... не хотел...

– Он пьян, Белч. От него ужасно воняет...

– Так, ладно, не вижу ноутбука. Телефон сейчас найду, – меня сажают на пол и прислоняют спиной к кровати. Белч шарит по моим карманам и достаёт мобильник.

– За что ты так с ней, а? За что, Рафаэль? Почему ты так её ненавидишь? Почему не Саммер, не эту тварь Флор, а Миру? За что? – Причитая, Сиен вытирает слёзы, скатившиеся из глаз.

И хотел бы я ответить, но язык не двигается. Внутри сухо. Снаружи душно и жарко. Плохо. Нет, мне хреново. Плохо, это когда носки дырявые, и трусы постирать негде. А хреново,

когда тебя снова и снова разрывает на куски, а они собираются и начинают издеваться над тобой по новой.

– Пароль. Вводи пароль, – требовательно шипит Белч, ударяя меня по груди.

Я не помню... даже если бы и хотел вспомнить, то не смог бы.

– Блять, да он прикалывается! – Парень выпрямляется, яростно пихая мои ноги ботинком.

– Рафаэль, – напротив меня вновь появляется лицо Сиен. Она дотрагивается до моей горячей руки, и хочется прижаться к ней, чтобы сбросить с себя огонь, сжигающий дотла мою кожу и сердце.

– Прошу тебя... я готова умолять...

– Не унижайся! – Кричит Белч, толкая Сиен.

– Мне плевать на то, какой способ сработает! Плевать, слышишь? Если это не удалить сейчас же, то будет хуже. Ей будет хуже, а я этого не допущу больше! Это моя вина и твоя! Мы помогли ему влезть в её жизнь, подталкивали обоих друг к другу, и вот что вышло! Поэтому даже не заикайся о том, насколько отвратительно унижение, ради спасения той, кто постоянно оберегала меня! Теперь моя очередь!

Я бы улыбнулся на слова Сиен. Порадовался бы за то, что хотя бы она нормальная из всех. Порадовался бы за то, что у Миры есть такой человек рядом. Порадовался бы... но даже этого не могу.

– Рафаэль, прошу тебя, если у тебя есть сердце, удали фотографии. Можешь остаться здесь до возвращения Миры, но умоляю тебя... умоляю не надо так с ней поступать, она не заслужила. Это не она, понимаешь? Не она заказала эту тварь. Она лишь хочет освободиться... всегда хотела, и будет делать всё, чтобы выбраться отсюда, даже если это будет тюремный срок. Неужели, ты, правда, ничего к ней не чувствовал? Ничего? Когда обнимал? Когда целовал? Неужели, ты настолько жесток? – Шепчет Сиен, поддерживая мою голову.

Быстрое дыхание. Мутит сильно. Её слова точно бьют по моей изношенной душонке. Я хотел изменить всё, хотя сейчас не понимаю, что происходит, что они требуют от меня.

– Пароль, Рафаэль, введи пароль, – добавляет девушка, вкладывая мне в руку телефон.

Приоткрываю губы...

– Пароль, пожалуйста. Это не она, не Мира. Она бы никогда так не поступила, даже если бы её предали. Она жертва, понимаешь? Жертва обстоятельств... прошу тебя, мон шер, прошу...

Мон шер.

Её голос. Её мягкие прикосновения. Её тепло. Хотя мне жарко, но я чувствую его.

Мон шер.

Вижу, как её чувственные губы двигаются, а затем резко, жестоко врываются иные воспоминания: кровь и то, как я бью её грёбаным ремнём... до вспухшей тёмной кожи, до борозд, до тишины...

– Принцесса моих кошмаров, – выдыхаю я, находя в себе силы. Мне плевать на то, что будет дальше. Если это поможет, то пусть... пусть все знают, что и когда я публиковал. Пусть... мне скрывать больше нечего. Моя душа выпотрошена.

– Что?

– Пароль... принцесса моих кошмаров, – повторяя, захлёбываюсь рвотой. Закрываю глаза. Падаю на бок, и меня тошнит. Снова и снова, пока желудок горит, словно изрезанный ножами, пока виски пульсируют до громкого крика внутри. Больно... ошибаться очень больно.

Глава 4

Рафаэль

Понимать, что весь мир восстал против тебя, на удивление, привычно. Так было всегда. Всю мою жизнь. И ничего не меняется даже здесь. Осознание того, как в любом месте, времени и состоянии ты один, порой намного сильнее воздействует на твой разум, чем что-то иное. Когда ты находишься в жёстких рамках, и на тебе клеймо «виновен», ты больше не можешь думать разумно. Ты обороняешься. Любым способом. Любыми действиями ты будешь добиваться правосудия для себя. И не важно, хорошо это или же плохо. Ты просто пытаешься выжить, ведь жить никогда не удавалось.

Выхожу из душа и вытираю влажные волосы полотенцем. Всё тело ломит от усталости, страшно хочется спать, и новый день начался для меня не радужно. Мой кошмар становится намного темнее, чем вчера, потому что сегодня я многое понимаю чётче. Я не знаю, что было в моей спальне после того, как выдал свой пароль к аккаунту. Меня оставили умирать одного. Вонь рвоты, пота и отчаяния, кажется, пропитали каждую молекулу моей кожи. И мне бы продолжить лежать на полу, пытаясь найти во сне спасение. Но, когда в нём появляются воспоминания, легче смотреть на окружающий мир. Он не так ранит, тогда как я рублю себя топором внутри из-за раскаяния.

Достаю ноутбук из-под кровати и захожу на сайт, допивая до дна воду из бутылки. Меня уже не ужасают и не удивляют записи и фотографии обнажённой Эмиры Райз. Они не удалены, не исчезли этой ночью с ударами Белча, мольбами Сиен и самобичеванием. Теперь, надеюсь, они понимают, что это не я. Ведь я понятия не имел, что Мира когда-то, вообще, снималась голой. Честно, даже смотреть на неё больно, хотя отрицать, что я мазохист, смешно. Захлопываю крышку ноутбука и поднимаюсь на ноги.

Хватит с меня всего этого дерьма. Хватит. Пока я приходил в себя, они продолжили издеваться не только над ней, но и надо мной. Они используют меня в своих целях. И я должен знать, кто это «они». То, что я сделал с Мирой, навсегда останется в моём сердце. Навечно. И сейчас, когда я уже могу не дрожать всем телом, не разрываться на запрещённые желания повысить дозу и скулёрж внутри, могу поставить себе новую и очень важную задачу – докопаться до истины. У меня есть время, чтобы спасти её, не дав кому-то перечеркнуть хотя бы её мечты. Эмира Райз должна жить, во что бы то ни стало. Кем бы она ни была на самом деле, без неё моя жизнь будет потеряна. Смысл всего, что я чувствовал, исчезнет. Да и себя я тоже обязан взять в руки и восстать в одиночку против них. Ради неё. Ради её будущего. Ради её улыбки.

Переодеваюсь в свежую одежду и, подхватывая карточку вместе с телефоном, выхожу из комнаты. Когда я спускаюсь, то слышу приглушённые голоса девочек, продолжающих уборку и восстановление дома. При моём появлении они сразу же замолкают, но меня это больше не волнует. Я никому ничем не обязан здесь, лишь одному-единственному человеку. Лишь перед Мирой я виноват. И, Господи, теперь я осознаю всю чудовищность ситуации, в которой она сейчас находится. Я понятия не имею, как она чувствует себя после того, что я с ней сделал. Там была кровь, мой член весь в корочках от бесконечно долгого трения, а что с ней... боюсь думать. Я в курсе того, что происходит с женщинами при изнасиловании, поэтому придумал себе это, когда был под галлюциногенами. Я выдумал не только состояние Флор, но и парня, сообщающего мне о диагнозе. Я не могу больше полагаться на свои воспоминания, ведь они могут быть неверными. Мне нужны факты. А их я могу достать только в одном месте – в администрации.

Делаю глубокий вдох и вытираю выступивший от слабости организма пот со лба. Направляюсь к столу Марджори, печатающей что-то на ноутбуке. Звук моих шагов приближается,

и женщина, в очках с тёмной оправой и со стянутыми в тугой узел тёмными волосами, поднимает голову.

– Мистер Лоф. Прошу, только не говорите, что и вы принесли мне заявление об отказе посещать занятия до тех пор, пока Эмира Райз учится в нашем заведении, – устало произносит она.

– Добрый день. Нет, я по другому вопросу, – хрипло отзываюсь. Она облегчённо вздыхает и натянуто улыбается мне.

– Слава богу. Который день они сходят с ума. Мы были вынуждены поставить видеокамеры у дома сестринства, чтобы прекратить порчу имущества. Какой ужас творится, просто уму непостижимо, – тараторит она, вставая из кресла и проводя ладонями по узкой юбке, облегаяющей довольно приличную фигуру для женщины тридцати лет «с хвостиком».

– Я уже давно говорила – мы должны закрыть сайт во избежание возникновения чего-то подобного. Но разве кто-то слушает секретаря? Нет, я для них «узкомыслящая дурочка», а вот теперь пожинаем плоды вседозволенности избалованных деньгами и свободными мыслями детей. Конечно, поступок мисс Райз жесток и бесчеловечен, но ничего бы не произошло, если бы не было этих безобразных статей и фотографий. В наше время все умеют пользоваться «Фотошопом» и обожают выставлять подобное в социальных сетях. Вместо того чтобы учиться и получать знания, они...

– Хм, я с вами полностью согласен, – перебиваю её, набирающую обороты возмущения, речь, – но мне нужен мистер Леду. Он на месте?

– Ох, – Марджори оборачивается и возвращает на меня взгляд. – Да, но он не принимает никого. Не в духе. Разбирается с родителями и их требованиями о том, чтобы немедленно отчислить Эмиру Райз, угрожая забрать своих детей, а вместе с ними и деньги, за счёт которых и процветает наше заведение.

– Мне очень срочно нужно с ним поговорить.

– Простите, мистер Лоф, но я не могу пропустить вас к нему. Он и так очень зол в связи с создавшейся неприятной ситуацией. Помимо этого, акционеры и руководители так же заинтересованы в полюбовном решении проблемы, а вот миссис Делон настаивает на своём. Обещает даже в газеты и на телевидение пойти, если Эмиру Райз не накажут тюремным сроком, – Марджори снимает очки и потирает переносицу.

– То есть вы поддерживаете Миру? Ну, вы не хотите, чтобы её исключили? – Уточняю я.

– Нет, конечно, нет. Она мне нравится. Её характер присущ каждому ребёнку, выросшему единственным в богатой и обеспеченной семье. Но вот то, как она умеет поставить всех на место и как отлично управляет сестринством, меня восхищает. Вы ведь с ней в отношениях, не так ли? – Женщина обходит стол и останавливается напротив меня.

Возможно, я до сих пор испытываю ломку, и галлюциноген продолжает терроризировать мой разум, но мне кажется, что она пытается заигрывать со мной.

– Нет, между мной и Мирой ничего не было, и нет. А те фотографии... хм, как вы и сказали удачный «Фотошоп». Вы же в курсе того, кто я и кто она, правда? Вряд ли такая, как она, посмотрела бы на такого, как я, – хмыкаю, вызывая на её лице широкую и довольную улыбку. Серьёзно, что ли? Она рехнулась?

– Да, в наше время и в этом месте все судят по счетам в банках и выбирают по ним же. Дети, они не понимают, что скрытый потенциал намного важнее, чем бумажки. Предполагаю, что именно это и позволило вам, мистер Лоф, оказаться здесь под опекой Эрнеста Райза.

– Можно просто Рафаэль, – стараюсь выглядеть заинтересованным её нелепым поведением, натягиваю улыбку.

– Я не могу переходить границы дозволенного, мистер Лоф, – Марджори смущённо опускает глаза, вызывая во мне рвотный рефлекс.

– Но ты можешь помочь мне добиться аудиенции с директором для одного-единственного разговора, не так ли? – Легко принимая правила игры, которая даст мне возможность достичь цели, делаю шаг к женщине, практически касаясь её груди, быстро поднимающейся под шелковой тканью блузки.

Тяжёлый вздох, и она поднимает на меня глаза, в которых столько похоти. Омерзительно.

– Я не могу, – нервно качает головой и дёргается в сторону, но успеваю схватить её за руку и дёрнуть на себя. О, так нравится грубость? Нравится фантазия о плохом мальчике и развратной секретарше, у которой роман с учащимся? Чёрт, это же плоско, но, видимо, у Марджори давно уже никого не было, раз она так дрожит в моих руках и испуганно сглатывает.

– Это же ужасно. Ты здесь постоянно одна, эти недоразвитые существа приходят и орут на тебя, потому что считают позволительным так с тобой обращаться. А тебе приходится терпеть всех и улыбаться им, как и директору. Он трахает тебя? Тебя, вообще, кто-то трахает? – От моего наглого заявления Марджори приоткрывает рот и распахивает глаза.

– Мистер Лоф...

– Рафаэль, просто Рафаэль. Ведь я понимаю тебя, они все и меня достали. Но я завишу от Эрнеста Райза, как и ты зависишь от этих богатеньких ублюдков, – шепчу, проходя пальцами по её руке. Игриво, как будто хочу этого. Но мне противно. Наверное, тот факт, что я насильник, не позволяет мне даже возбудиться для верного развития событий. Я ничего не чувствую. Раньше мне это не мешало.

– И мне необходимо создать видимость, будто я что-то делаю. Мистер Райз хочет быть в курсе событий, пока лично не посетит университет. Помогите мне, Марджори, и я помогу тебе, – добавляю, наклоняясь и вдыхая аромат приятных духов.

– Господи... он может выйти и увидит...

– Может, поэтому дай мне туда войти. Я скажу, что тебя не было, ты отлучилась в туалет, чтобы немного поиграть с собой. Ладно, последнее упущу, – оставляю на её щеке поцелуй и отпускаю женщину. Резко, иначе вырвет. Она медленно кивает.

– Хорошая девочка, но я предпочитаю, чтобы ты была плохой, – хлопаю её по щеке, слабо и только для повышения её уверенности, что она ещё в соку и может возбуждать парней.

– В следующий раз, – подмигивая, направляюсь к двери директора, оставляя за спиной потрясённую и шокированную секретаршу, фантазирующую сейчас о том, как я буду её трахать. Чёрт, я чувствую себя шлюхой, которая продаёт своё тело, в данном случае до мяса истёртый и зудящий член. Но разве это важно? Если мне придётся переспать со всей администрацией, чтобы раздобыть факты, то я это сделаю. Любым способом я добьюсь правосудия для тех, кто заставил меня очнуться в аду своих страхов и забрал у меня мои чувства.

Открываю дверь и сразу же слышу недовольный голос:

– Марджори, я просил тебя не входить и не беспокоить меня.

– Добрый день, мистер Леду. К сожалению, вашей секретарши не было на месте, и я решил, что могу пройти к вам без предварительной записи, – уверенно произношу, закрывая дверь. Мужчина, сидящий за столом с опущенной над какими-то бумагами головой, поднимает взгляд и удивлённо смотрит на меня.

– Мистер Лоф. Я как раз о вас думал, – медленно произносит он. По его лицу видно, что он не рад моему появлению, и явно его мысли обо мне очень отличаются от мыслей Марджори.

– Тогда я удачно появился, – хмыкая, замечаю я и останавливаюсь около стола.

– Итак, мистер Лоф, с каким вы ко мне вопросом? – Мужчина отклоняется на стуле, как бы невзначай закрывая документы папкой.

– С очень личным. Дело в том, что вы в курсе причин моего появления в университете. Правдивых причин, а также моего истинного финансового положения. Мистер Райз стал моим попечителем на время обучения взамен на оказание помощи его дочери. Сейчас создалась очень сложная ситуация, и я понимаю, что моя просьба может показаться вам некорректной,

но это моя работа. Мне необходимо собрать все данные, начиная с дня, когда в сети появились фотографии Миры с неким парнем в Женеве...

– Неужели, не узнали себя? – Едко перебивает меня.

– А это был не я. Вы же в курсе, что «Фотошоп» сейчас доступен каждому, и с его помощью можно сотворить любые фотографии, верно? Так вот это и случилось. Мисс Райз как раз пыталась разобраться в этой проблеме, когда произошёл инцидент с Флоренс Делон. Мистер Райз просил меня найти любые факты, подтверждающие то, что Мира не причастна к этому делу, и её просто подставили. Но, чтобы это получилось, мне нужны данные с видеокамер по всему периметру университета. Я знаю, что с вашей помощью это можно легко устроить. Подобное возможно сделать за небольшую плату, в моём же случае, мистер Райз готов сделать щедрое пожертвование, если вы пойдёте на уступки, – замолкая, внутри хвалю себя за то, что мне удалось сказать всё настойчиво, но жёстко и в то же время льстиво.

Мистер Леду потирает подбородок, обдумывая мои слова. Чёрт, снова слабость даёт о себе знать. Коленки начинают дрожать, а по спине скатывается пот.

– Очень интересная просьба, мистер Лоф. Конечно, мы делаем всё, чтобы помочь мисс Райз в этой щепетильной ситуации, и мне бы не хотелось заставлять отца нашей блестящей ученицы отрываться от дел и вылетать сюда, но, к сожалению, удовлетворить ваше прошение, мистер Лоф, я не могу.

Да он издевается, ещё и улыбаясь так скользко. Денег мало предложил, что ли?

– Я бы хотел знать причину, мистер Леду, ведь я тоже желаю помочь Мире и прекратить нападки на девушек из сестринства, как и разобраться в этом деле. Виновные должны быть наказаны. Я находился на балу, когда всё это произошло. К тому же по записям я смогу заметить то, что, возможно, пропустили ваши люди. Мистер Райз будет крайне недоволен, если я ему передам, что вы отказываетесь помочь мне в этом деле. Он не любит, когда его дочь обвиняют в безобразных проступках, тем более отправляют на оскорбительные исправительные работы. Он достаточно вложил денег в развитие университета, чтобы иметь небольшие послабления в правилах, а я являюсь здесь, скажем так, его представителем, – облакачиваюсь ладонями о стол, пытаюсь надавить на этого человека.

– Какой энтузиазм и стремление найти виновных, мистер Лоф! Вы восхищаете меня, но не этим, а вашим лицемерием. Что скажет мистер Райз, когда узнает, что именно вы написали заявление в полицию на его дочь и заставили жертву подписать лживые слова? И сейчас вы приходите сюда, требуя от меня материал, который будете использовать против Эмиры Райз. Как вы объясните эти факты, мистер Лоф?

– Какая глупость. Я ничего не писал и никого не заставлял. Меня, вообще, там не было в то время, когда всё это происходило. Я был...

– Прекратите, мистер Лоф. Сегодня я получил, наконец-то, копию заявления, написанного вашим почерком, там указано ваше имя, и свидетели утверждают, что в госпитале, действительно, находились вы. Как и сама жертва утверждает, что именно вы вынудили её подписать приговор Эмире Райз, упомянув все неприятные моменты, которые происходили до этого инцидента. А также ваша статья на студенческом сайте, обличающая все страхи и тайны мисс Райз, абсолютно точно убедит мистера Райза в том, что вы не только не желаете помочь его дочери, но и, наоборот, стараетесь усугубить положение дел и добиться настоящего тюремного срока для Эмиры Райз. А это будет легко, потому что она сама подтвердила свою причастность к изнасилованию и взяла всю ответственность на себя.

По спине пробегают неприятный холодок, отчего сглатываю. Кровь отливает от лица.

– Вы говорили с ней? Встречались? Она в порядке? – Тихо спрашиваю его.

– Нет, лично с ней я не говорил. К ней никого не допускают, кроме адвокатов и полиции. Она отказывается опровергать обвинения и твердит, что всё сказала мне здесь в день, когда я её отправил в дом престарелых, чтобы спасти, – сухо произносит он.

А выглядит как? Как чувствует себя? Ей больно... что я с ней сделал? Она плачет? Она с ума сходит?

Столько вопросов в голове, и вряд ли я получу ответ на них.

– Но вернёмся к вашей наглости, мистер Лоф. Я требую от вас чистосердечного признания. Зачем вы это делаете? Кто вам платит за то, чтобы дочь Эрнеста Райза села в тюрьму, и у неё были крупные неприятности? – Уже сурово добавляет он.

– Мне никто не платит... никто, клянусь вам. В ту ночь я был не в себе, выпил лишнего и не соображал, что делаю. Да, я написал эту статью и удалил её, когда понял, что натворил. И я отвечу за это перед мистером Райзом, объяснив всё, если потребуется. Но я не помню, чтобы писал заявление за Флор. Я не помню, понимаете? И я, действительно, хочу помочь Мире. Всем, чем смогу. Я не знаю... не знаю, что на меня нашло, но эта девушка для меня важна, и я, находясь в здравом уме, ни за что не причинил бы ей боли. Пожалуйста, мистер Леду, позвольте и мне участвовать в этом, – мне неприятно скулить, но другого не остаётся в такой ситуации. Давить на жалость и убеждать, что я многое знаю, и в моих силах найти зацепку во всём этом.

– Мистер Лоф...

– Умоляю вас, мистер Леду, – подхожу вплотную к столу и облакачиваюсь о него, – позвольте мне увидеть заявление и воскресить в памяти воспоминания. Они могут быть полезны.

– Это не компетентно с моей стороны, – отрицательно качает головой.

– Чёрт, да рамки компетентности давно уже размылись! Вы позволили этим пираньям жрать друг друга без сожаления, не отслеживая записи на унижающем студентов сайте! Вы сами виноваты, что во вверенном вам заведении процветает жестокость. И это лишь цветочки! И если не доказать, что Эмира Райз ни при чём в этом происшествии, то виновные останутся безнаказанными, и вы подавитесь отравленными ягодами вашей любви к деньгам! Вы должны остановить их! Должны, чёрт побери! Иначе всё будет только хуже и хуже, и дальше произойдёт убийство, которое вы тоже будете покрывать! Соучастником хотите стать? – Кричу я.

– Молодой человек, смените тон, – зло шипит мужчина.

– Я буду орать и продолжу это делать. Вы же в курсе, как легко управлять толпой идиотов, мне это удалось тогда, удастся и в будущем. Я не прекращу писать лозунги и натравливать их на вас, если вы не покажете мне заявление. Они у меня в кулаке, что я им скажу, то они и сделают. Они не посещают занятий. Они вышли из-под вашего контроля и перешли под мой. Я предлагаю обмен: вы дадите мне прочесть заявление, а я успокою их и заставлю подчиняться вам, – твёрдо говорю я. Конечно, понимаю, что после такого меня просто могут выбросить отсюда. Но или всё, или ничего. Я должен понять, кто мной играет, и кто в ту ночь, когда это произошло, подсыпал наркотики. Я обязан искупить свою вину перед Мирой хотя бы так.

– Хорошо, – после нескольких минут тяжёлой и мрачной паузы кивает мне Мистер Леду. – Вы остановите их и заставите удалить эти безобразные фотографии мисс Райз. Это усугубляет её положение.

– Согласен. Я найду тех, кто это выставил.

Директор перебирает документы на столе и протягивает мне лист бумаги. Хватаю и пробегаю по нему взглядом. Это приколы, что ли? Такого чудовищного заявления я в жизни не видел, а видел я многое. Здесь ложь. И её достаточно, чтобы засадить Миру на десять лет, как минимум. Моё имя тоже есть, как и подпись. Дата. Время. Начало первого.

– И что вспомнили? – Ехидно поддевает меня.

– Ничего, потому что это не мой подчерк, и я был в это время в доме сестринства, – поднимаю на него голову.

– К тому же это писала не Флор, у неё другой стиль и более крупные буквы, у меня же почерк рваный. Его пытались скопировать, но неудачно. Меня подставили, как и Миру. Они хотели, чтобы я воевал против неё, и я это сделал из-за того, что, как мне тогда казалось, уви-

дел. И я уверен, что в госпитале есть камеры слежения, которые должны были засечь момент, когда я ушёл, – шепчу, вновь рассматривая слова, уже прыгающие перед глазами.

– Верно, камеры есть, и на них видно, что вы вернулись, скрывая лицо капюшоном...

– Но и здесь есть камеры, на них видно, кто выходит, а кто заходит на территорию университета. Они и докажут, что я поехал в город после того, как это заявление было подписано. Проверьте, – откладывая лист на стол.

– Дело в том, что записи, сделанные у главных ворот той ночью, повреждены. Их нельзя восстановить и что-то отследить по ним, – тяжело вздыхает мистер Леду.

– И это ещё раз говорит о том, что всё было спланировано, понимаете? Буквально всё, до каждого нашего шага. Кто-то руководит теми, кто это сделал. И он продолжит это делать, пока не уничтожит Миру. Она была права. За ней охотятся. Только за ней.

– Но мисс Делон утверждает, что вы были с ней, – напоминает он.

Вот это меня и пугает. Выходит, Флор врёт. И бывает такое чувство, что ты не хочешь верить правде, а она уже известна тебе. Ты отрешиваешься от неё, бежишь, не можешь позволить себе признать, что ошибся в самом начале и был полным идиотом.

– Был, но больше нет. Больше нет...

– И мы можем узнать прямо сейчас, говорите вы правду или же нет. Я не додумался проверить схожесть почерка, – перебивая меня, мужчина поднимается и обходит меня.

Господи, получается, что Флор с ними.

– А медицинское заключение, оно подтверждает слова заявления? – Интересуюсь я, пока директор пробегается по стеллажу с папками.

– Да, но предполагаю, что это фальсификация данных, потому что с тем диагнозом, который был мне передан, невозможно выписаться из больницы уже через четыре дня после происшествия. Как минимум необходимо пройти лечение, да и восстановительный процесс занимает не меньше двух недель.

– То есть вы считаете, что её диагноз сфальсифицирован? – Уточняю я.

– К сожалению, я не могу ответить утвердительно, как и отрицательно. Это дело не только о насилии и жестоком избиении, это недопонимание двух семей, – кивает он, возвращаясь на место и открывая папку с моим делом.

– К слову, вы выступаете основным свидетелем, и в вашем случае я бы отказался от своих показаний, упомянув, что вы были под действием алкоголя. Конечно, если, действительно, хотите помочь Эмире Райз, – мистер Леду подхватывает ксерокопию какого-то документа и прикладывает его к моему заявлению, составленному в свободной форме и написанному от руки, ещё в начале года.

– Если бы так просто было отказаться и от поступков, – шепчу я себе под нос, ожидая вердикта. Он сравнивает мой почерк. Но я абсолютно точно уверен, что это не я писал. Свой стиль я узнаю, и он не так хорош, как у тех, кто обучается письму с пелёнок.

– Что ж, вы правы, мистер Лоф. Вас подставили, но довольно хорошо это исполнили. Я могу отдать документ на экспертизу, и она подтвердит отличие почерков, тем самым поставив под сомнение слова и показания мисс Делон, – произносит он.

– И это значит, что вы готовы посодействовать мне? Готовы позволить просмотреть записи?

– Так уж и быть, я сделаю небольшое послабление для мистера Райза, ввиду моего уважительного отношения к нему. Сегодня после рабочего дня, около девяти часов вечера я буду ждать вас здесь. Но вряд ли вам удастся что-то найти, лучше искать среди тех, кого вы настроили против Эмиры Райз.

– Хорошо... хорошо, да, я буду искать. Обещаю вам. Спасибо, спасибо за возможность. Я сделаю всё, чтобы вытащить её, – быстро киваю я.

– Вы ещё здесь? – Мистер Леду недовольно поднимает на меня голову, а я натягиваю улыбку и двигаюсь спиной к двери.

Выскакиваю из кабинета и пролетаю мимо Марджори, не обращая внимания на её желание заговорить со мной. Теперь я должен понять, какого чёрта Флор подставила меня? Почему она обманывает их в том, что я был с ней, когда это неправда? Запугана матерью? Отчего-то я больше в это не верю. Чёрт, так неприятно и даже противно осознавать, что Мира верно оценила ситуацию, и её слова были самыми точными. Я не прислушался, противился, искал подвох. И не в той. Орать хочется от боли и раскаяния! Орать и рвать кожу на груди, волосы на голове, чтобы всё болело ещё сильнее из-за нарастающей паники от совершенной ошибки... мать вашу, какой я мудак.

Глава 5

Рафаэль

Вытираю пот со лба и снова копаюсь в вещах Миры, чтобы найти её ноутбук. Я не знаю точно, есть ли там что-то, что могло бы мне помочь докопаться до истины, но, вероятно, есть нечто ценное. Мира не дура, это я уже давно понял. И она хранит же где-то данные на всех, как и компромат. И я должен его откопать, чтобы сложить всё в единую картину, пока Эрнест не прилетел сюда сам. Если он узнает о том, что я натворил, то отомстит мне. И даже это меня не пугает, если честно, я больше волнуюсь за то, как сейчас себя чувствует Мира.

По мере ослабления наркотика в моей крови и ломки, которую я испытывал, ко мне приходит понимание того ужаса, который я натворил. Это даже не ужас. Подобное невозможно описать словами. Остаётся только ненавидеть себя с огромной силой и страхом, что это лишь начало моего раскаяния.

Звук шагов по лестнице доносится до меня, и я замираю, а затем тихо закрываю за собой тумбочку и поднимаюсь с пола. За целый день я никого не встретил в доме. Девушки, видимо, опасаясь нового нападения на их место жительства, скрываются где-то у парней или же проводят время где-то ещё. Белча и Сиен я тоже не видел. С одной стороны, мне бы следовало позвонить другу, объяснить всё, рассказать и попросить помощи, но мне стыдно. А с другой стороны, сейчас я в каждом из них вижу своего врага. Ведь Белч знал о том, что я чувствую к Мире, и был в курсе всех наших недомолвок, страхов и близости. Возможно, это всё неправда, и я снова выдумал себе врагов, но лучше быть одному. Я заварил эту кашу и должен всё исправить.

Кто-то останавливается рядом с комнатой, а я закрываю спальню Миры и медленно приближаюсь к двери. Едва дохожу до неё, как раздаётся стук, и без разрешения ручка опускается, являя передо мной самого неподходящего посетителя во всём мире.

– Оливер, – прочищая горло, бегло осматриваю парня, с меня ростом и одетого в спортивную форму с эмблемой университета.

– О, ты здесь. Это хорошо, ты мне и нужен, – кивая, закрывает дверь.

– Слушай, мне не нужны проблемы. У меня их и так достаточно, так что свали отсюда, а?

– У тебя будет их намного больше, если я отсюда свалю, – ехидно замечает он.

– Твои запугивания на меня не действуют. Неужели, последняя драка не объяснила, как я отношусь к тебе? – Прищуриваясь, делаю шаг к нему, демонстрируя уверенность, хотя её очень мало на самом деле. Я сейчас не в самой выгодной форме, и один его удар может отправить меня в нокаут, поэтому, действительно, необходимо выпроводить его отсюда по-хорошему.

– Поверь, мои чувства к тебе взаимны, Лоф. Но я пришёл не для того, чтобы меряться силой, а поговорить, как нормальные люди, – фыркая, Оливер проходит мимо меня и направляется к дивану.

– Вау, да ты научился говорить. На курсы записался, или же злоупотребление алкоголем на тебя действует так? – Едко поддеваю его, а он не реагирует, лишь приподнимает уголок губ и разваливается на нашем диване. Урод. Ведь и он мог участвовать во всём этом дерьме, которое заставило меня изнасиловать и избить Миру.

– Ты должен всё прекратить, Лоф. Они просто взбесились, и старшие требуют от меня немедленного решения проблемы. А проблема – это ты. Мне плевать на то, какие между нами отношения, я пришёл просить тебя остановить их и оборвать нападки на Миру, Сиен и других девочек. Это наша работа здесь, понимаешь? К тому же это не Мира отдала приказ изнасиловать ту дурочку, – видно, как ему сложно сейчас говорить со мной спокойным и ровным тоном, а кулаки-то сжимает.

– Интересно, значит, насилие для вас норма, а ответ на эти действия пугает. Вы пожинаете плоды своих проступков, Оливер. И я здесь ни при чём, вы задолбали студентов своими издевательствами и перекрытием кислорода. Они жить хотят и учиться, а не выживать в вашей тюрьме, – складывая руки на груди, отвечаю я.

– Думаешь, мы не хотим? Мы не хотим быть простыми и обычными ребятами, которые бухают и развлекаются без всего этого? Хотим. Но выбора у нас нет! – Возмущаясь, Оливер подскакивает с дивана и зло смотрит на меня.

– Это твои проблемы. Так зачем ты пришёл? Ныть и пытаться убедить меня в том, что вероятная будущая смерть одного из студентов из-за ваших братств и сестринства обычное дело?

Да он едва держится, чтобы не напасть на меня. Делает глубокий вдох.

– Что ты хочешь, Лоф? Какова твоя цена за Миру и её свободу? Я готов отдать всё, только бы её не посадили, потому что это не она. Её подставили, как только увидели, что она больше не под моей защитой. Я пришёл к тебе по той причине, что только ты и можешь остановить и успокоить их. Мира скоро вернётся, а они ждут этого и строят планы, как бы ещё больше унизить её или же, вообще, избить. И ты стоишь во главе их, поэтому я и обсуждаю это с тобой.

– Хм, странно, что ты так печёшься о Мире. Раньше тебе было насрать на то, с кем она, и кто против неё, ты развлекался с доступными девушками. Так боишься старших, что вспомнил о Мире и о своих несуществующих чувствах? – Ядовито шиплю я.

– Ты прав, когда я изменял ей и считал это всё разрешённым для меня, то не задумывался о последствиях. Но я не могу смотреть, как моего любимого человека уничтожают, и это делаешь ты. Возможно, ты будешь смеяться и снова обвинишь меня в моих неправильных поступках по отношению к ней, но я люблю её. Вероятно, моя любовь – вот такая странная и непонятная многим, но я готов отойти в сторону, только бы она была счастлива. Я не думал, что, когда она уйдёт от меня, мне будет так плохо. Внутри плохо и одиноко без неё, ведь я всегда был уверен, что она примет меня в любом состоянии. А сейчас её обвиняют в том дерьме, которое ты устроил. Что ты хочешь ради её свободы? – Его слова достаточно проникновенны, но я им не верю. Никому здесь не верю, и даже подавленное состояние, печаль и раскаяние в глазах парня не заставят меня изменить своё мнение.

– А что ты готов предложить? – Интересуюсь я.

– Место в братстве без каких-либо испытаний. В следующем году я уйду с поста главы и передам его тебе, так ты сможешь вершить правосудие, как захочешь. В твоих руках будет власть над всеми. Помимо этого, я познакомлю тебя со старшими, и это даст тебе возможность в будущем быть в семье, которая всегда поможет и вытащит из любой ситуации. Сила и возможности братства огромны, Лоф. Деньги тебе не нужны, ты и так богат, поэтому это единственное, что у меня есть ценное здесь, после Миры, что я могу тебе отдать, – меня удивляет его предложение. Надо же, Оливер готов расстаться со всем, что у него есть, ради девушки, которую он потерял по глупости, а я из-за жестокости и ненависти.

– Меня это не вдохновляет, Оливер. Я не желаю руководить толпой тупых алкоголиков, считающих, что они боги на этой земле. Мне не нужно твоё место, мне на своём хорошо, – сухо отвечаю ему.

– Лоф, у меня ничего больше нет, а это продолжаться так не может. Ты же целовал её, ты был с ней. Неужели, в тебе нет ни капли сочувствия к Мире? Тогда зачем ты обманывал её, обедал с ней и ужинал, гулял с ней и...

– Закрой рот, – рыком перебиваю его. – Закрой свой поганный рот. Мне не нужно от тебя ничего, потому что ради Миры я тоже сделаю всё что угодно. И это не моя вина, что стадо, подобное тебе, решилось на переворот, который мне к чёрту не сдался. Я не поддерживаю их.

– Но именно ты это начал. Ты рассказал им про неудавшийся суицид Миры и про родство с той душой. Именно ты написал всё это и выставил, дав им надежду. Они молятся на тебя! – Обвиняюще указывает на меня пальцем Оливер.

– С чего ты взял, что это я? Меня даже в университете не было? – Наигранно возмущаюсь я.

Цокая, достаёт из кармана спортивных штанов телефон и копается там, а затем поворачивает ко мне, где я вижу скрин с экрана моей страницы и того самого поста.

– Подобная рассылка была сделана всем студентам, зарегистрированным на сайте.

– Но... чёрт, как это возможно? – Шокировано шепчу я.

– Мы решили, что это ты сам сделал, чтобы показать всем своё истинное лицо, – пожимая плечами, Оливер прячет телефон обратно.

– Нет, я не настолько идиот, – фыркаю я.

– Значит, кто-то очень хотел, чтобы все узнали об этом.

– Но как можно войти в аккаунт без моего пароля и логина?

– Думаю, есть вероятность взломать систему администрации и войти туда. Так значит, это не ты объявил войну нам?

– Мне оно на фиг не нужно, Оливер, тем более подставлять Миру и создавать всё это дерьмо! – Повышаю голос.

– Белч говорил иное, что тебе не нравятся наши планы, и ты готов пойти против нас. Любым способом прекратить наше правление и уничтожить всех нас, – от его слов меня бросает в холодный пот. Получается, что и Белч меня предал и, вероятно, именно он может быть зачинщиком всего этого дерьма, настроив против меня братства и сестринства, чтобы не позволить напасть на них и развернуть войну.

– Это лишь слова и моё возмущение вашей политикой, но поднимать бунт не входило в мои планы, – прочищая горло, отвечаю ему.

– Тогда поздравляю, Лоф, твоими руками кто-то решил сместить Миру и засадить её за решётку. Но факт остаётся фактом, это стадо тебя слушает, так заставь их прекратить всё это, – требует Оливер.

– Как? Мне выйти в поле и проорать, что они мне на хрен не нужны, как и их мнимые лозунги? Мне на это насрать, понимаешь? У меня сейчас есть другие проблемы, с которыми я должен справиться. И первая – как найти тех, кто изнасиловал Флор, и вытащить Миру из всего этого дерьма.

– А ты уверен, что эту идиотку, вообще, кто-то насиловал? Ты же трахался с ней и должен знать, что она давно уже не девственница, – едко произносит он.

– Для начала, я не трахал её, а... не суть, это не так важно. И да, я уверен. Своими глазами видел всё. У неё побои, и врачи подтвердили, что она была невинна до нападения.

– Тогда какого хрена она вешалась на моих парней, как и на ребят из «Омеги»? Предлагала себя, заигрывала с ними и явно готова была стать девочкой на одну ночь. Тем более она сестра Миры, и её не приняли в сестринство, отношения между ними, мягко говоря, сложные, как и с их матерью. Она не так глупа и наивна, как тебе кажется, придурок. Ты, вообще, понимаешь, куда попал, и кто тебя окружает? Открой глаза, Лоф, каждый здесь скрывает свои истинные намерения и в удобный момент нападёт не задумываясь. Мира была уверена, что Флор причастна к копированию фотографий. Потому что именно в ту ночь Флор приходила ко мне и рассказала о том, что видела вас с Мирой в Женеве и то, что вы целовались!

– Что? Какие фотографии? И какого хрена она сделала? Она же, наоборот, просила меня быть с Мирой и убеждала помочь ей наказать виновного, то есть саму Флор, – шокировано шепчу я, приходя в глубокий и жуткий страх, ведь всё проясняется, и не так красиво, как бы мне хотелось. Флор солгала о том, что именно я заставил её подписать заявление, затем убеждала меня, что я там был, а теперь ещё и сдала меня Оливеру. Блять!

– Это я снял вас. Точнее, не я, а человек, которого я нанял, чтобы он следил за Мирой. Я боялся, что старшие возмутятся из-за нашего разрыва и покажут ей это наглядно. Мне прислали фотографии вашего милого свидания, и тогда всё встало на места. Причины, по которым она отдалилась от меня. Частые отлучки в город и задумчивое настроение. Та сцена в столовой, когда она села к тебе. В общем, это мои снимки, которые у меня выкрали. Я хранил их на ноутбуке, именно оттуда их скопировали и выставили в ту ночь. Я был не в форме, точнее, сказать, я был настолько пьян и обкурен, что мне было насрать, кто торчит в моей спальне, и что происходит вокруг. Возможно, она их и стащила тогда. Помимо этого Флор пыталась соблазнить меня. Но моё состояние было, не то что неадекватным, оно просто превратило меня в кусок дерьма, валяющегося на полу. И я рассказал обо всём Мире, когда Калек показал мне статью. К тому же насилие Мира ненавидит, для неё это табу, и как бы сильно на неё не нападали, она никогда бы не прибегла к такому.

С каждым словом и признанием Оливера моё сердце гаснет до полного мрака и тянущей, долгой и невыносимой боли.

– Чёрт, – закрываю на секунду глаза и запускаю руку в волосы.

– Я видел её аккаунт, не она выставила их...

– Она могла их передать кому-то. Своих парней я проверил, как и ребята с «Омеги» подтвердили, что никто из членов их братства не причастен к этому. У каждого главы имеется список всех паролей и логинов, это обязательное условие при вступлении. Так мы отслеживаем своих ребят и управляем ими, – перебивает меня Оливер.

– И у Миры тоже такое есть? Этот доступ ко всем аккаунтам? – Уточняю я.

– Есть, и она своих проверила. Никто этого не делал. И, к слову, на её ноутбуке хранится много информации, даже с камер видеонаблюдения. Фотографии, обнажённой Миры, тоже там были, но я уверен, что не с её компьютера их вытащили. О них знали только я, Мира, Сиен, скорее всего, Белч и Саммер. Последней я сказал об этом по глупости, под высоким градусом опьянения, и, возможно, потому что Мира на них чертовски хороша.

– Сиен не могла бы так поступить.

– Мне тоже это невыгодно, потому что я не позволю, чтобы мою девушку...

– Бывшую девушку, – моментально поправляю его.

– Бывшую девушку втоптывали в грязь, – цокая, продолжает он.

– Белч?

– О как, ты уже сомневаешься в своём друге. Надо же, какое совпадение, он тоже тебе не верит, – язвительно ухмыляется Оливер.

– Мне плевать на его чувства. Так он мог?

– Нет. Сиен зависит от Миры. Обязанности главы сестринства слишком сложны и тяжелы для такой, как Сиен. Поэтому Белч был тоже заинтересован в том, чтобы Миру оправдали, и всё вернулось на круги своя.

– И Саммер здесь нет. Она дома.

– Саммер всегда метила на место Миры, и я отдаю свой голос за неё. Управлять идиотами можно и с другого континента. Она умна и удаляет свою переписку. Но я думаю, что именно Саммер решила подлить масла в огонь этими фотографиями. Ей это выгодно, ведь если Миру отчислят или посадят за решётку, то останется только Сиен, которую легко можно уничтожить. Очень легко, ведь Саммер знает все её слабости и не боится её так, как Миру, – в его замечании есть доля разумного, чего от Оливера я совсем не ждал.

– С каких пор я должен доверять твоим словам? Тебе тоже невыгодно, если я прекращу всё и помогу Мире, ведь тогда у тебя не будет шанса вернуться к ней, а ты этого хочешь, – прищуриваясь, смиряю его взглядом.

– Ты, вообще, слышал меня, Лоф? Я сказал, что мне плевать, с кем она будет встречаться, главное, чтобы она... ей достаточно всей той грязи, которую Мира пережила здесь. Я чувствую

ответственность за её жизнь, хоть и выгляжу в твоих глазах последним мудаком. Ты, к слову, для меня такой же. Потому что если бы не было тебя, то не было бы и никаких проблем, а мы бы спокойно жили. И я не обещаю, что оставлю это просто так. Я буду пытаться выжить тебя отсюда любым способом, когда Мира будет в безопасности. Вряд ли она вернётся к тебе, когда с тебя всё и началось, – вот теперь узнаю настоящего Оливера. Он прав. Во всём прав.

– А как же предложение быть главой? Ведь тогда я тебя уничтожу, – напоминаю ему.

– Ты отказался, так что это уже неактуально. Я предлагаю работать сообща, если ты, действительно, хочешь помочь Мире. А потом ненавидеть друг друга, как раньше, – он протягивает мне ладонь для рукопожатия, на что я смотрю с недоверием.

– Нет. Мне не нужна твоя помощь, потому что тебе невыгодна такая ситуация, и твои чувства – абсолютная ложь. Она для тебя – выгодная партия, и ты ещё не теряешь надежды образовать союз, который только тебе и твоей семье нужен, но не ей. Тебя угрозами заставили прийти сюда, а не по собственному желанию и раскаянию. Так что иди ты в задницу. Если бы не твои фотографии и слежка за Мирой, то ничего бы, вообще, не было. Я бы её не потерял, – зло шиплю, делая шаг назад.

– Мы оба её потеряли, Рафаэль. И оба виноваты. Но сейчас мне насрать на то, как ты относишься ко мне и на твои выдумки. Главное для меня – помочь ей, а тебе, видимо, приятнее дальше наблюдать за тем, как Миру убивают изнутри. Ей и так плохо. Урод ты, я хотя бы признавался в своих изменах и каялся перед ней, а ты подонок, который использовал её и выбросил. Этого я тебе не прощу, – бросая ядовитые слова, обходит меня, толкая плечом, отчего я подаюсь вбок.

– Ты видел её?

Оливер замирает и оборачивается ко мне.

– Да, сегодня утром. Ездил к ней, пытался убедить отрицать свою вину, но она не хочет ничего слышать. Я понятия не имею, что между вами произошло, но такой я её ещё не видел. Выглядит она хреново и отказывается разговаривать.

Чёрт... чёрт... девочка моя, прости меня. Господи, прости меня, прошу. Я всё сделаю, обещаю. Всё. Ты снова будешь улыбаться. Я найду ту суку, которая заставила нас обоих пройти через это дерьмо.

– Она и раньше хотела, чтобы её отчислили отсюда, а сейчас ухватила за эту возможность из-за тебя. Я знаю, что ты виноват в её состоянии. Ты во всём виноват. Вероятно, это и было твоей целью изначально. Приехать сюда и заставить её мучиться за что-то, совершённое в прошлом. Думаю, сейчас ты с радостью наблюдаешь за тем, как твой враг пал. Наслаждайся...

– Прекрати, Оливер. Хватит. Мне тоже хреново, потому что я не хотел всего этого. И нет никакого плана, я просто влюбился в неё, сам того не желая. И ты прав, это моя вина. Я разберусь, но верить больше никому не собираюсь, – горько перебиваю его и, разворачиваясь, иду к своей спальне, даже не дожидаясь, когда парень уйдёт.

В эту минуту скорбь и сильнейшее раскаяние вновь подчиняют мой рассудок себе. Я всегда буду помнить о том, что сделал с ней, и не прощу себя за это. Но у меня не так много времени, чтобы отдалиться своему личному аду, потому что сейчас для меня важно заставить Миру вернуться сюда и докопаться до истины, чтобы понять, кто был для нас врагом. И самое страшное понимать, что я искал изъяны в Мире с особой тщательностью, а в других их не замечал. Флор оказалась не той, кого я представлял себе. Теперь же многие слова Миры не кажутся мне такими уж надуманными и глупыми. Но как можно отдать своё тело и невинность на растерзание ради мести? Я до сих пор отвергаю то, что Флор могла солгать и здесь, хотя внутри уже знаю правду. Могла. Всё могла. Какой же я, действительно, идиот. Я считал, что опыт уличной жизни поможет мне справиться со всем, а оказалось, что королевство – особо опасное место, где даже преступники трясутся от страха, не зная, что их ожидает дальше. Я один из них... и мне очень стыдно.

Глава 6

Рафаэль

В отличие от Миры, Сиен намного примитивней мыслит и не умеет прятать важные вещи в своей спальне. Она их просто складывает в шкаф и прикрывает одеждой, что и облегчило мне поиски, как и отсутствие девушек в доме. Прислушиваюсь на всякий случай и вылетаю из спальни Сиен, забегая в свою. Так, теперь мне нужен мой ноутбук, несколько программ по поиску скрытых файлов, что в очередной раз убеждает меня, как сильно заблуждается Эрнест в умственных способностях своей дочери. Затем предстоит встреча с директором, где у меня будет шанс воскресить в памяти все мои передвижения по кампусу, и отследить действительный ход событий того дня, ведь в моей голове до сих пор каша, и я не могу доверять своим воспоминаниям. Они созданы действием галлюциногенного препарата, до сих пор терзающего меня, а дальше будет только хуже. Сейчас усталость и слабость организма пока ещё ощущаются потоотделением и слабым головокружением, затем я буду хотеть снова принять что-то, что позволит мне ощутить себя бодрым и активным. Зависимость, от которой я всю жизнь прятался, настигла меня именно здесь. Я боюсь этого, ведь моя кровь пропитана этой гадостью с рождения, мама, сама не понимая этого, вдыхала пары наркотиков, которые варил отец, и не могла ничего с этим поделать, ей тоже было страшно. Наркоманы безумны и никогда не осознают, какие последствия будут из-за их слабости и трусости. А я таким быть не желаю. Я вырвался со дна и попал в очередной капкан, где мне предстоит проверить себя на прочность и выстоять перед соблазном. Это мой личный ад, на сцене которого у меня главная роль. И, выходит, здесь есть тот, кто точно знает, откуда я приехал. Единственный человек, кому я всё рассказал из-за паники и зашкаливающего уровня адреналина, это Флор. Но я не упоминал, где именно проживал всё время до моего появления здесь. Мои данные тоже были изменены, и даже если кто-то и влез в моё дело, то ничего особенного не увидел. Эрнест внёс достаточно пожертвований университету, чтобы завуалировать моё истинное прошлое. И он тоже молчит. Ни звонка, ни сообщения с момента нашего последнего разговора. Вероятно, он уже в курсе того, что я сделал. Он выпшвырнет меня отсюда. Поэтому у меня очень мало времени, чтобы хоть что-то изменить до моего исчезновения. Я обязан, чего бы мне это ни стоило, разобраться во всём и достать тех, кто заставил меня уничтожить то светлое, что я увидел с Мирой. И я это сделаю. Сделаю, клянусь.

Подсоединив проводами свой ноутбук к компьютеру Миры, запускаю программу и жду, что она покажет. Мне необходимо вернуть его на место до возвращения Сиен. Стучу пальцами по столу, расхаживаю по комнате. Подбираю с пола складной нож, и боль вновь пронзает сердце, когда в голове вспыхивают ярким и жестоким огнём слова, брошенные истерзанной и слабой Мире, лежащей на полу. Боже, я не могу забыть об этом. Не могу. И вряд ли когда-нибудь наберусь смелости извиниться перед ней. Такое не прощается, не стирается со временем. Оно навечно встало между нами, подобно нерушимой железобетонной стене. Ноутбук пикает, оповещая о завершении поиска, и я, подлетая к столу, просматриваю страницу с различными файлами. Щёлкаю по одному, и там видео, в другом, те самые фотографии обнажённой Миры, выложенные на сайт. Вот оно. Копирую их и пересылаю на свой ноутбук. Мне кажется, что время тянется очень долго, а я с ума схожу. Вроде бы кто-то вернулся, слышатся шаги внизу и тихие разговоры. Возможно, их и нет, но меня трясёт от нервов, ведь все они против меня, а я даже сам не представляю, что узнаю в будущем из документов Миры. Чёрт, ей хреново... хреново ей. И мне так же, клянусь. Меня колошматит во все стороны, отчего весь покрываюсь потом, и тошнота поднимается к горлу. Нет, нет, я должен, никакой новой волны ломки. Я выдержу... выдержу.

Когда все файлы скопированы в мой ноутбук, я вырываю кабели и закрываю наспех все окна на мониторе, выключая компьютер. Несусь из комнаты, постоянно прислушиваясь к шагам и передвижениям внизу. Нет, я всё надумал себе, никого нет. Возвращаю ноутбук Миры в шкаф Сиен и укладываю поверх него одежду, закрываю дверцы и вылетаю из спальни девушки. До вечера осталось не так много времени, но я успею просмотреть хотя бы пару файлов и где-нибудь перекусить. Есть всё же хочется, а в последнее время я только пью. Но как только сажусь за стол, то сразу же забываю о нуждах и открываю первый документ. Опись и счета имущества, чеки по выполненной работе в летние месяцы... не то. Затем следуют фотографии Миры в обнажённом виде. Да, я бы тоже такими гордился, но не выставляя на всеобщее обозрение. Она могла их сделать, чтобы насолить отцу. Это вполне в духе Эмиры Райз, внутренне скрытой бунтарки. Далее, вижу имена девочек из сестринства, контакты и логины с паролями к аккаунтам. Так, нахожу данные Саммер и копирую их. Вхожу на студенческий сайт под её именем, и открывается не особо-то и приятная картина. Фотографии Миры до сих пор висят там, а вот выложила их не Саммер, вероятно, она могла их тоже кому-то передать. Есть вкладка сообщения, и там пусто. Оливер был прав, Саммер подчищает за собой и не оставляет улики, но с кем ещё она здесь могла так близко общаться? Кому переслала фотографии и попросила выставить за неё? Вряд ли они были бы здесь, сделай это кто-то из братств, значит, точно замешаны девушки. Придётся проверять всех. Буквально всех, а это очень долго и муторно. Выхода нет, начинаю копировать файлы и просматривать данные на каждую девушку из сестринства. Через полтора часа меня это уже жутко раздражает, потому что не вижу в них ничего странного или необычного, просто их комментарии и общение между собой, в которых они или опасаются нового нападения, или же категорично решают выйти из сестринства. Есть даже файлы тех, кто уже смотался отсюда и убеждает других сделать то же самое. Но даже они не являются теми, кто выложил фотографии. Наконец-то, дохожу до последней, и это файлы самой Миры. Я не могу это сделать... не могу. Курсор замер на её имени, и я не в силах позволить себе просмотреть личную переписку Миры, хотя безумно хочется, но нет... нет.

Поднимаюсь со стула и захлопываю ноутбук. Кладу его в рюкзак, который забрасываю на плечо. Приближается время просмотра видеозаписей с камер наблюдения, а я уже на нуле. Сонливость не даёт мне идти быстрее, а лишь позволяет ощущать себя в бесконечном и мутном вакууме, на который изредка проходящие студенты обращают внимание. Они улыбаются мне и здороваются, а я даже не придаю значения тому, как выгляжу в их глазах. Мне противно от них и от себя. От всей этой ситуации противно и гадко, а они рады. Сжирают друг друга, как твари последние, и считают это нормой. Это дебилизм, в жизни и так всё дерьмово, а они ищут больше говна, чтобы бросать его в небо и прыгать, как придурки.

– Мистер Лоф, за мной, – едва вхожу в кабинет директора, как он указывает мне рукой двигаться за ним. Марджори нет, а она могла бы мне помочь. Но за это, как понимаю, мне придётся поработать или ртом, или членом, который, вообще, скукожился до размера маленького отростка. Стать шлюхой ради достижения цели. Этого я ещё не практиковал и, видимо, не смогу, ведь даже в туалет мне ходить больно. А если мне так больно, то, что там с Мирой? Я слабо представляю себе, как там устроено всё у женщин, и какие тонкие нюансы могут быть, но, к сожалению, это не мешает мне ярко представить, как мучается она из-за меня. Это же... это... я слов не подберу, чтобы описать, в какое месиво я превратил её. Ей необходима медицинская помощь, а она гордая, не обратится за ней, будет всё терпеть. Одна. И это меня убивает.

– Добрый вечер. Вы всё подготовили? – Мистер Леду спрашивает двух подскочивших при нашем появлении мужчин в провонявшей потом и наполненной спёртым воздухом небольшой комнате с несколькими мониторами на стенах.

– Здравствуйте, да, мы собрали всё, что у нас есть, кроме тех записей, что были негодны. Хотя и их тоже, – кивает один из мужчин, указывая на ноутбук и флешку.

– Хорошо. Что ж, – директор поворачивается ко мне, – смотрите, мистер Лоф. Если у вас после просмотра записей появятся догадки или же какие-то зацепки, то завтра я буду ждать вас здесь после обеда.

– Конечно, сэр.

– Хорошо... хорошо, – мистер Леду тяжело вздыхает, словно хочет сказать что-то ещё, но не имея права переходить границы, лишь разворачивается и выходит из комнаты, оставляя меня наедине с охраной.

– Развлекайся. Все файлы распределены по датам, – усмехаясь, мужчина показывает рукой на стул, и я располагаюсь на нём.

– Скажите, а как, вообще, видеозапись была повреждена? – Интересуюсь я.

– Такое бывает, мячом попали в видеокамеру или же просто хотели уничтожить её.

– Но ведь есть дополнительные камеры, – замечая, оборачиваюсь к мужчинам.

– Верно, но и они были в непригодном состоянии несколько часов, пока их не заменили.

Или же им заплатили, чтобы камеры были в негодном состоянии. Вряд ли они признаются, да и мне не особо хочется задерживаться здесь, поэтому принимаюсь за дело. Мне необходимо понять, куда я ходил и что делал. Итак, приступим.

Открываю первую папку, по времени подходящую под тот момент, когда Флор оказалась в бальном зале вся в крови. Я вижу себя на улице, слышу свой крик о том, что она умирает, и ей требуется помощь. Визг студентов, пока я иду с ней и скрываюсь из поля зрения. Так, да, это я помню, что отнёс её к зданию, где располагается медицинский кабинет. Далее, видеозапись, на которой мы садимся в машину скорой помощи и выезжаем из ворот. Прокручиваю до момента, когда я вернулся. Это было в десять пятнадцать. У меня в руках ничего нет, а должна быть бутылка. Я помню её, значит, нужно посмотреть записи с камер, расположенных около бара. Да, туда я и направился. Через двадцать три минуты я оказался снова на улице и пошёл к воротам, как понимаю для того, чтобы купить в аптеке таблетки и быстро приготовить наркотик для Миры и для себя. Но я уже был под ним, уверен в этом. Прокручиваю видео, и запись начинает шипеть.

– Да, она повреждена, о чём мы и говорили, – подаёт голос один из охраны.

Понятно. Выходит, кто-то сделал так, чтобы здесь не смогли отследить моё возвращение, но я вернулся и должен был пойти к бару, чтобы забрать бутылку. Ищу в папках нужные кадры и вижу, как вхожу туда и через десять минут возвращаюсь, держа в руке бутылку шампанского. Я иду к сестринству, дальше мне не хочется смотреть. Я пробыл там не менее одного или двух часов, а это значит, что не мог оказаться в двух местах одновременно. В больнице был кто-то другой, изображающий меня. А как же медбрат? Я помню его. Ладно, если галлюцинации могли показать мне состояние Флор в более жутком виде, чем на самом деле, но людей-то я не мог выдумать. Он был там, но при этом в больнице не работает. И если был, то Флор должна его знать, он ждал нас там, словно знал, что изнасилование должно произойти, и именно я приеду туда, чтобы показаться всем и якобы остаться.

– А есть ли записи коридора и комнаты, откуда вышла Флоренс Делон? – Интересуюсь я, поворачиваясь к мужчинам, жующим чипсы.

– Да. Пять точка ноль три. Там видео из того коридора, только ты ничего нового не увидишь. Девушка входит туда одна, читая что-то в телефоне, а через тридцать одну минуту выползает в крови и в слезах.

– И больше никого? То есть, должны же были засветиться насильники?

– Нет, за весь день туда вошёл только один профессор, потому что это его кабинет, и вышел за пять часов до этого случая. Мы предполагаем, что они появились и исчезли оттуда через окна. А там камер нет, и вычислить их невозможно. В ту ночь гуляло много студентов, и все были в костюмах и платьях.

Поворачиваюсь обратно к ноутбуку. Флор пошла туда по собственному желанию, у неё там была назначена встреча или свидание. Она попала в ловушку и была изнасилована. Отчего-то вопрос Оливера теперь рождает во мне жуткие сомнения: действительно ли она была изнасилована или же тоже участвовала во всём этом спектакле? Но зачем невинной девушке жертвовать своей девственностью и позволять бить себя? Ради мести? Это же глупо и чудовищно по отношению к самой себе. Но тот факт, что Флор врёт и заставляет всех верить в то, что я был с ней и вынудил подписать заявление, больше не позволяет мне думать о ней, как о добром и нежном создании. Какая ей выгода от этого? Она должна вернуться в университет, где все будут указывать на неё пальцем, унижать ещё больше и смеяться над ней. Хоть Флор и жертва насилия, но я не уверен, что здешняя молодёжь это понимает.

Лучше вернуться к тому, что было со мной. Я находился на балу, где выпил бокал шампанского.

– А видео с бала есть?

– Десять точка один дробь три, – моментально подсказывают мне.

Открываю нужную папку и ищу записи с праздника. Хоть в зале и было темно, но я помню, что стоял у стенки, а перед этим недалеко от стола с закусками. Взглядом нахожу себя в тот момент, когда ко мне подходит Белч, затем я иду к столу и хватаю с подноса единственный бокал с шампанским. Делаю глоток за глотком, хотя не помню, чтобы меня душила жажда, но я пью из него, а затем ставлю его на пол и иду к стене, где мне снова предлагают шампанское. Нет, был только один бокал, а, выходит, что второй я тоже выпил перед тем, как подойти к Мире. Я не могу разглядеть лица официантов, разносивших напитки, но уверен, что там уже был наркотик, иначе бы не смог выдумать себе куски мяса, торчащие из Флор, коих не было и в помине. Да, конечно, там могло быть достаточно препарата, вызывающего галлюцинации, но для забытья и того состояния, в котором я был... не стоит забывать, что я сын наркомана, и даже маленькая доза может сотворить со мной жестокую вещь. Капля – и всё разрушилось.

Тяжело вздыхая, возвращаю своё внимание в папку с видеозаписью из бара, в котором я был. Просто смотрю, как в него входят и выходят студенты, а я в это время готовлю смертельную дозу для уничтожения той, что заполонила собой мой разум. Чёрт, почему я был так слеп ко всему? Почему не предвидел этого? Почему? Мой взгляд цепляется за парня, вышедшего покурить, в тот момент, когда к нему подходит другой в капюшоне, накинутым на голову, и передаёт что-то, сверкнувшее в свете фонарей. Выпрямляясь, останавливаю запись и максимально увеличиваю картинку. Блять! Это та самая бутылка, розовая бутылка шампанского за которую я отвалил около четырёхсот евро. Точно не помню, но я потребовал самую дорогую.

– А можно распечатать у вас кадр? – Бросаю взгляд на охрану.

– Да, конечно. Что-то интересное?

– Нет, личное.

Щёлкаю на кнопку вывода на печать кадра, на котором видно лицо бармена в форме, и, подсказывая, хватаю листок. Он говорил, что поищет бутылку в подсобке к моему возвращению. А ему, оказывается, её кто-то принёс. Лица не разглядеть, оно скрыто. Но парень габаритами похож на меня и, вероятно, именно он и был в больнице. На нём похожая на мою накидка чёрного цвета, и в кадре, где он протягивает бутылку, даже видно татуировку на внешней стороне ладони, выглядывающую из рукава.

– Спасибо. Больше мне ничего не нужно, – подхватываю рюкзак и буквально вылетаю из комнаты, смотря на фотографию. Зачем передавать бутылку, если она имеется в подсобке? Только для того, чтобы быть уверенным, что она попадёт строго по назначению. И с ней тоже что-то не так. К тому же я ни разу не встретил здесь человека с татуировками на руках, идентичными моим. Их легко можно было скопировать, ведь были фотографии из спортзала, на которых они идеально просматриваются. И ответы очень близко. Мне нужен именно этот бармен, и тогда я узнаю, что точно он мне продал.

Вхожу в наполненное звуком гроыхающей музыки помещение, где не так много людей, как раньше. Несколько компаний, не из братства и сестринства, а обычных, сидят за столиками и выпивают, мусоля новости, но даже этот гул стихает, когда появляюсь я. И как только все понимают, что это я, то замечаю движение у барной стойки, слышу звук разбитых бокалов. Моментально разворачиваясь, срываюсь на бег и огибаю здание, успевая поймать парня.

– И куда это ты? – Язвительно шиплю я, перекрывая путь тому самому человеку с фотографии.

– О, да это... живот прихватило, – я помню, как он улыбался мне и заверял, что всё выполнит по лучшему разряду. Выполнил, мудака. А сейчас, бегая взглядом, ищет пути к спасению, осознавая, что я вернулся не просто так.

– Потерпишь. Теперь говори, что было в том шампанском, и кто тебе его принёс? – Шипя, наступаю на парня.

– Не понимаю, о чём ты. Мы продаём разные виды шампанского...

На секунду на моём лице появляется понимающая ухмылка, а затем, замахиваясь, со всей дури бью его по лицу. Падает, скулит и выплёвывает кровь, смешанную со слюной.

– Ещё раз спрашиваю: что было в том шампанском, и кто тебе передал его для меня? – Поднимаю его за рубашку и прижимаю к стене.

– Эй... парень, успокойся. Мне охрану вызвать?

– Конечно, вызови, и я расскажу им, что вы здесь наркотики подсыпаете и продаёте нелегально алкоголь, деньги с продажи которого кладёте себе в карман. Ну что, вызываем? – Едко предлагаю я.

Сглатывает и облизывает разбитую губу.

– Ладно... ладно, не кипятись. Я, правда, не понимаю, почему ты ударил меня, и о каком шампанском идёт речь?

– Не понимаешь, значит, – роюсь в кармане, удерживая парня одной рукой, и достаю распечатку кадра.

– Не узнаёшь себя? Кто это был? И что за шампанское он тебе передал? – Дёргаю рукой, стягивая сильнее ткань его форменной рубашки на шею.

– Обычное шампанское. Попросил, и принесли...

– Так дело не пойдёт, – хмыкая, перебиваю его и прячу обратно лист, вытаскивая нож. Одним движением раскрываю бабочку и приставляю к его щеке, отчего он испуганно переводит глаза.

– Я не раз делал подобное. Мне ничего не стоит немного подправить твоё лицо и некоторые лишние, по моему мнению, части твоего тела. Начну с языка. Отрежу его, и ты будешь захлёбываться кровью, затем каждый глаз вырежу и запихаю их тебе в глотку. Твои признания мне не особо-то и важны. Сам процесс – вот он меня сильно возбуждает. Он меня просто с ума сводит, особенно кровь и чувство мщения за то, что меня чем-то накачали. Начнём? Ты выбираешь язык или глаз? Наверное, язык, чтобы никто не услышал, как ты медленно умираешь, как достоин умирать только подонок, вроде тебя, – наблюдаю за тем, как страх от моих слов и интонации скапливается в его глазах, и парень бледнеет.

– Эй, я... давай обсудим всё спокойно, идёт? Я... я расскажу всё, что знаю, – умоляюще шепчет он.

– Думаю, пару минут дам тебе, а потом немного поиграю. Ведь здесь всё разрешено, никто не осудит меня за то, что я всего лишь избалованный богатый извращенец, – давлёю остриём ножа, разрывая немного кожу на его щеке.

– Ладно-ладно. Да, я помню тебя, и то, что ты приходил в бар в ту ночь. Ты заказал водку, и я уже готов был подать твой бокал, когда меня подозвал к себе тот самый парень в капюшоне. Я не разглядел его лица... темно было, он дал мне пять тысяч евро за то, чтобы я подсыпал в твой бокал какой-то порошок. Деньги мне нужны, понимаешь? Я не из таких, как ты, и я...

– Порошок? Значит, тогда его тоже подсыпали? Голос запомнил? – Перебиваю его.

– Обычный голос, как у всех парней, акцент, скорее всего, немецкий, грубоватый. Он точно был из ребят постарше, чем с четвёртого курса. Я не особо придал этому значение, потому что...

– Он заплатил тебе. Купил тебя, и ты легко продался ему за грёбанные бумажки, – рычу, сильнее надавливая на нож. Из раны выступает кровь и катится струёй по щеке. Блять, я убью его, на хрен, сейчас. Шампанское два бокала, водка. Везде был порошок. Я же мог сдохнуть от дозы.

– Я...я думал, что это какой-то допинг, вроде тех, что парни принимают, чтобы с девчонками развлекаться. Я...

– И что дальше? Как оказалось, что ты взял у него бутылку шампанского?

– Он услышал то, что ты её попросил. И когда ты ушёл, он сказал, что принесёт её, и я буду должен отдать бутылку тебе прямо в руки, убедившись, что именно её ты и купишь. Я и отдал. Но там в крышке была дырочка, как будто шприцем проткнули и влили туда что-то. Это всё, что я знаю... честно... клянусь, больше этот парень не появлялся. И раньше я его тоже не видел. Если увижу, то сразу же скажу тебе... только успокойся. Ты же бешеный, говорят, войну затеял. Мне нужна эта работа, не сдавай меня, – быстро шепчет бармен.

Кривлюсь от едкой и отвратительной горечи внутри. Выходит, наркотик был и в бутылке тоже. А я же на понт его брал. Блефовал, чтобы вытащить правду, а вон оно, как оказывается. Мира, значит, была тоже под ним, и не известно, как он подействовал на неё, и как она всё увидела. Блять... чёрт возьми.

– Нож убери... а? Я, правда, ничего больше не знаю. Здесь все постоянно балуются порошками и травкой, – молит он.

Разжимаю руку и отхожу, а он быстро стирает со щеки кровь и облизывает разбитые губы.

– Ты знал, что это не просто порошок, поэтому решил свалить, когда увидел меня. Даю не больше получаса, чтобы исчезнуть, иначе тебе будет плохо. А доложишь кому, что говорил со мной, то я всю твою семью вырежу на хрен. Тебе ясно? – Угрожающе сжимаю в руке нож.

– Да... да...

– Мудак, – сплёвываю и, разворачиваясь, выхожу из закутка.

Всё ещё хуже, чем я мог себе представить. Меня накачали наркотиком, Миру тоже. Помимо этого, ещё тот препарат, который я сам приготовил для неё. Вот причина, из-за которой она так кричала и выглядела полоумной.

Господи, помоги мне. Я никогда не обращался к тебе, потому что не верил в твоё существование. Сейчас тоже не верю, но не знаю, к кому ещё обратиться, потому что мне так больно. Грудь дерёт, а сердце рвётся в клочья снова и снова. Я виноват, признаю, но не во всём. Я бы никогда... никогда бы её не тронул. Не тронул... я люблю её... люблю. Помоги мне не сойти с ума, пока не накажу этих ублюдков и не вытащу её. Помоги мне в этом, а потом делай со мной всё что угодно. Только бы она не погибла внутри... большего мне не нужно.

Глава 7

Рафаэль

– Добрый день, подскажите, вы видели эту девушку? – Показываю фотографию Флор в третьем по счёту отеле и вновь получаю в ответ те же слова, что и раньше.

– Добрый день. Простите, но мы не можем ничем вам помочь, – вновь отработанная годами улыбка и подтекст: *«Пошёл на хрен отсюда, наркоман недоделанный»*.

А мой вид на самом деле оставляет желать лучшего. Ломка и действие наркотика с новой силой дали о себе знать несколько часов назад, рождая в голове шёпот, побуждающий достать новую дозу адреналина. Мотаю головой и делаю глубокий вдох, стирая со лба пот. Я найду силы ходить, соображать и, вообще, жить.

Вряд ли хоть кто-то мне с радостью покажет и расскажет, в каком именно отеле была Флор, а мне нужно это знать. На ноутбуке Миры я нашёл очень неприятное подтверждение причин её недоверия к сестре, а точнее, видеозапись с одной из видеокамер у главных ворот, на которой Флор выходит и садится в машину с чехлом для платья. То есть она не забирала наряд, а поехала уже с ним. Зачем, если она не предполагала встретить кого-то из знакомых в Женеве? Да, конечно, она может найти уйму объяснений, начиная с неправильного кроя и заканчивая пустым чехлом, чтобы не помять платье. Но я точно могу сказать, что фирменные вещи приобретаются уже с чехлом, и с кучей бонусов по чистке, так что ни одному её слову я больше не верю. Выходит, она приехала сюда для чего-то очень важного и взяла с собой платье, чтобы иметь алиби.

Утром мне удалось найти одну из её подружек, которая сообщила мне о том, что она возвращается сегодня, и также о том, что Флор в тот день встретилась с ними несколько позже, чем говорила мне. Она не была с ними в то время, когда подошла к нашему столику и наблюдала за нашим поцелуем. Но как она, вообще, могла знать, что мы именно там? Это не даёт мне покоя. Оливер тоже что-то не договаривает, я уверен в этом. Если он подослал людей следить за Мирой, то кто-то мог доложить об этом и Флор. Чёрт, Мира причастна к моему жестокому поступку, и если я добуду факты, то стану, действительно, полноценным преступником. Я превращусь в убийцу, потому что никогда такого не прощу ни ей, ни кому бы то ни было.

Я уже не знаю, куда мне дальше идти. Вокруг того заведения, где мы были с Мирой, слишком много отелей разного уровня, и искать там бесполезно, пора бы уже это признать. Больше информации с ноутбука Миры я не получил, но она где-то есть. И я добуду её.

Звонок мобильного телефона застаёт меня у входа в очередной отель. Скрытый номер. Сглатываю, леденея от страха, необходимо ответить, бегать от Эрнеста очень глупо.

– Да, сэр, – прочищая горло, произношу я.

– Рафаэль, прошло уже несколько дней, а от тебя ни одной хорошей и приятной для меня новости, – сухой и холодный голос мужчины ещё больше приводит в панику. Он, скорее всего, в курсе того, что я был инициатором бунта студентов и всего этого дерьма. И, возможно, знает, какой ужас я сотворил с его дочерью. И я не вспоминаю в этот момент о своей семье, а лишь ищу варианты извинений и просьб об одной встрече с ней.

– Я...

– Я устал тебе повторять, что твоя работа заключается в защите Эмиры. А в данный момент её безобразные фотографии распространяются с чудовищной скоростью, и уже оказались на моём столе, как и у моих партнёров. Помимо этого, я не вижу, чтобы ты предоставил мне имена тех, кого мне следует топить, защищая свою дочь, – не позволяя мне вставить и слова, отчитывает меня, и я, как послушный и провинившийся мальчишка, киваю ему.

– Да, я...

– Но зато ты нашёл время, чтобы отправиться в Женеву и прогуляться по городу. Итак, это моё последнее предупреждение, Рафаэль. Если ты не сделаешь так, чтобы эти фотографии исчезли, а имя моей дочери было восстановлено, то пеняй на себя. Сейчас же поезжай к тому злосчастному фотографу и любым способом купи все снимки, оформи бумаги и перешли их мне, как и его официальное подтверждение, что эти кадры не что иное, как монтаж. Тебе всё ясно? – Уже рычит в трубку.

– Да, сэр.

– Хорошо. Адрес я переслал шофёру. И ещё одно, Рафаэль, твоя мама очень переживает о том, в какого отвратительного юношу ты превратился, – быстрые гудки в трубке, и я жмурюсь от напоминания обо всех моих проступках. Он и матери донёс, ублюдок. Ладно, ладно... я должен, у меня есть задание, разберусь с ним, а потом вернусь сюда.

Достаю из рюкзака бутылку с водой и, допивая её, выбрасываю в урну. Направляюсь к ожидающей меня, машине и молча сажусь в неё. Меня вырвет сейчас, то ли от повышенного сгустка нервозности, то ли от долбящей ломки и жажды принять необходимый наркотик. Тошнота подкатывает к горлу, и мне приходится сдавленно попросить остановить машину. И как только шофёр жмёт на тормоза, лишь успеваю открывать дверь, и меня тошнит. Водой. Желчью. Подохнуть хочется сейчас, прямо в этой рвоте, и ничего больше не чувствовать. Не переживать за то, как дерёт горло, как с особенно жестокой силой ломит тело, и не бояться, что ни черта не успею до возвращения Миры.

– С тобой всё хорошо? – Спрашивает меня шофёр, когда вытираю рот и слабо киваю.

– Да, отравился, – хриплю и падаю на спинку сиденья, прикрывая глаза.

Конечно, он доложит об этом Эрнесту, но так плевать на то, как это выглядит в их глазах. Никто из них даже не представляет, что со мной происходит, и что на самом деле творится здесь. Они лишь о верхушке айсберга знают, а я под ним. Тону и захлёбываюсь от ледяного холода внутри.

Мы останавливаемся у модного, по моему мнению, района, где стоят высотки.

– Мне приказано сопровождать тебя вот с этим, – шофёр открывает бардачок и достаёт пистолет. Это так необходимо? Всё равно, пусть делают всё, что хотят, а я должен выполнить «просьбу» моего нанимателя и вернуться в центр, чтобы продолжить расспрашивать о Флор и найти отель, в котором она с кем-то встречалась. И о том кто это был, я тоже должен узнать сегодня.

На первом этаже располагается фотостудия с надписью на двери: «Временно не работает». Видимо, фотографа уже пытались запугать, или он просто струсил и спрятался.

– По данным мистера Райза, он здесь со вчерашнего вечера, – подаёт голос шофёр, я не запомнил, если честно, его имя, даже внешность сейчас тоже кажется незнакомой.

– Заперто, – взглядом указываю на дверь и облизываю сухие губы.

– Мистер Райз уверен, что у тебя получится попасть в любое закрытое помещение, – с явно неприятным подтекстом бросает он мне. Закатывая глаза, опускаюсь к замочной скважине и, раскрывая рюкзак, пытаюсь найти в нём что-то тонкое и искривлённое.

Я бы хотел забыть о том, кем был в прошлом и все свои навыки тоже. Но вот руки что-то делают, а голова работает, словно на автомате. Мне неприятно оттого, что я никогда не избавлюсь от клейма преступника и не смогу жить нормально, как честный человек. Видимо, честность в их мире – это ненужное качество, которое я желал бы сохранить в себе. Но могу ли я назвать себя сейчас честным? Нет, больше нет. Я увяз в этом дерьме по собственной глупости и слабости. Мне не жаль того, что я поддался своим чувствам и влюбился в девушку. Мне лишь жаль, что я её не услышал и не понял так, как должен был это сделать её защитник и настоящая опора, которую она во мне и не увидела. Мира не ждала от меня поддержки и помощи, она научилась быть самостоятельной и выживать одна в мире, в котором вокруг неё столько людей и возможностей. А я тоже умею выживать, но в другой параллельной вселенной. И здесь мне

ничего не помогло, чтобы сохранить хрупкое и нежное чувство, а только смог разрушить его окончательно.

Замок щёлкает, и дверь открывается. Поднимаюсь на ноги и, бросая самодельную отмычку в рюкзак, пропускаю вперёд мужчину. В нос ударяет неприятная вонь – смесь алкоголя и мочи. Ну, хоть где-то я могу чувствовать себя как дома. Мы входим в большой и пустой холл, где раньше принимались заявки на съёмки. Далее, вижу несколько закрытых дверей, ведущих в помещения, где должны проходить фотосессии, и только одна, в самом конце, немного приоткрыта, откуда виден тусклый свет. Мужчина, идущий впереди меня, поднимает руку с пистолетом и боком толкает дверь, резко наставляя его на, выскочившего из затемнённого пространства слева, человека с револьвером.

– Что вам надо? Убирайтесь отсюда! – Хриплым голосом на английском требует он. Ох, хреновый у него вид, должен я сказать: волосы засаленные, заросшее щетиной серое лицо с тёмными кругами под карими глазами, запах пота и одежда явно не первой свежести.

– Опустит оружие, иначе я выстрелю, – грозит шофёр, пришедший со мной.

– Нет... нет... не стреляй, а то я вызову полицию и...

– Раз...

Рука фотографа, как я понимаю, дрожит, и он бежит взглядом то по мне, то по угрожающему.

– Уходите, и я ничего никому не скажу.

– Два...

– Что вы хотите от меня? Что вам нужно? Я лишь фотографирую людей, и всё...

– Я предупреждаю в последний раз: убери оружие, – зло шипит шофёр.

– Хватит, прекрати, – выхожу вперёд, закрывая собой фотографа.

– Рафаэль, у тебя приказ и у меня тоже. Лучше не мешай, а делай своё дело. Пока я держу его на мушке, ищи снимки.

– Запугиванием ничего не добиться. Дай мне пять минут наедине с ним. Диалог намного эффективнее, чем угрозы, – примирительно произношу я.

Вот сейчас я абсолютно не готов наблюдать за ещё одной невинной потенциальной жертвой заговора против Мира. Я не в силах... это уже край моего терпения и выносливости. Мне жалко и себя, и Мира, и этого мужчину, и Белча, и Сиен. Всех жалко, и мне плохо как физически, так и морально. Я не могу позволить свершить суд без доказательств. Это уже было, и вновь участвовать в подобном я не собираюсь.

– У меня есть приказ...

– Да, у меня тоже, поэтому дай мне его выполнить и подожди меня за дверью. Вряд ли он захочет, чтобы Его имя было связано с криминалом, – выделяя интонацией местоимение, перебиваю мужчину. Прищуривается на секунду, а затем недовольно выходит из комнаты.

– Пять минут, а потом мой способ, – фыркая, закрывает за собой дверь.

Тяжело вздыхая, поворачиваюсь к мужчине.

– Вы знаете, зачем мы пришли? – Тихо спрашиваю его.

– Нет. У меня семья... трое маленьких детей, а за последние двое суток я получил уйму угроз, – так же отвечая мне, опускает руку с револьвером.

– Вы однажды проводили фотосъёмку девушки по имени Эмира Райз в стиле «ню». Она дочь очень богатого и влиятельного человека. Эти снимки были опубликованы на нескольких сайтах, и их увидели люди, которые могут создать вам серьёзные проблемы, если вы не можете мне решить это, – вкрадчиво произношу я и, сбрасывая рюкзак, опускаюсь на стул. Сил нет стоять.

– Эмира Райз? Это из-за неё такой переполох и угрозы? – Недоумённо переспрашивает меня.

– Да. Вы помните её?

– Конечно, она приехала и заплатила за работу сумму в три раза превышающую стоимость съёмки, также я составил с ней договор, по которому без её согласия я не имею права использовать снимки, – кивает мне и кладёт на стол оружие.

– Так вот, мы пришли за этими снимками. За оригиналами и документом, в котором вы отказываетесь от прав владельца и удаляете всё, что у вас хранится.

– Но это невозможно.

– Поверьте, вам лучше добровольно передать все права и уничтожить кадры, как и очистить все данные о её пребывании здесь. Упростите себе жизнь, и мне тоже.

– Рафаэль, да?

– Да, – протягиваю руку, и он пожимает её, натянуто улыбаясь.

– Жорж.

– Так мы можем помочь друг другу? Её отец очень богатый человек, и он уничтожит вас, если вы не послушаете меня. Позаботьтесь о своей семье и о бизнесе, иначе не отмоетесь от всего этого дерьма, – делаю ещё одну вежливую попытку добиться своего.

– Я понимаю, Рафаэль, но дело в том, что это невозможно по простой причине – у меня нет исходников.

– Как нет? Но вы же снимали Миру, а все фотографии, насколько мне известно, сохраняют кадры, – удивляюсь я.

– Да, это верно, но... я попал в одну неприятную ситуацию. У меня их украли отсюда. Из сейфа. Примерно чуть больше недели назад. И я знаю, что виноват сам, потому что хотел заработать, и мне обещали приличную сумму за исходники и документальное подтверждение передачи и отказа прав, как и о согласии использовать их в личных целях модели, – сдавленно говорит он и опускается на стул напротив меня.

– А кто обещал вам деньги? – Сглатывая горечь, спрашиваю его.

– Девушка позвонила, представившись доверенным лицом Эмиры Райз, и попросила о личной встрече в отеле «Ибис». Она объяснила, что дело очень конфиденциально и требует подобной конспирации. У меня множество клиентов с разными просьбами и требованиями, меня это не особо удивило. Она сказала, что за снимки мисс Райз готова отдать десять тысяч евро, и... у нас тройня родилась, а это требует огромных затрат на медицинскую страховку и другие вещи. Я не мог отказаться и поехал на встречу. В номере меня ожидала девушка, она показала бумагу, заверенную нотариально, что, действительно, выступает от лица Эмиры Райз. Девушка попросила меня сначала заполнить бумагу об отказе от претензий, затем о том, что я добровольно передаю все исходники клиенту, а затем... я выпил... она предложила вина и обед заказала. Я был голоден, целый день работал, и всё... проснулся голым, со снимками в окружении обнажённых женщин и с подписью молчать о том, что здесь случилось, и угрозами отправки этих кадров жене. Я испугался, конечно, ведь никогда не думал об изменах, а здесь такое, – он замолкает, делая глубокий вдох.

– А девушка, её имя вы запомнили? В документе что-то было? Данные какие-нибудь? Как она выглядела?

– Блондинка, эффектная девушка, ей около двадцати, может быть, немного больше. Дорого одетая и явно богатая, как и сама мисс Райз. Она знала и о дне, когда проходила съёмка и описание самих фотографий. А имя... вроде Линда или Луиза.

Перебираю в памяти всех с подобными именами, но не вспоминаю ни одной.

– Насколько вы уверены в том, что её имя было реальным, а не вымышленным? Мира никому бы не дала подобную бумагу, и эти снимки сейчас работают против неё, – поворачиваюсь к мужчине.

– Я, вообще, не уверен в том, что всё это правда. Сейчас я могу точно заявить, что меня обманули и опоили, чтобы пробраться в мою студию.

– Вы сказали блондинка? Если я вам покажу фотографию, сможете опознать её? – Копаюсь в карманах и достаю телефон. Вхожу на студенческий сайт и открываю вкладку с данными по сестринству. Поворачиваю экран к мужчине, и он, прищуриваясь, от яркого света, просматривает снимки.

– Вот, только цвет волос более тёмный, ближе к естественному, – он указывает на одну из девушек, и я округляю глаза, когда понимаю, как сильны могут быть ненависть и желание власти.

– Саммер? – Шепчу я.

– Она была очень вежлива со мной, всё так быстро говорила и очень торопилась, что я даже не подумал о том, как это отразится на мне в будущем. А затем я обнаружил, что ключи от фотостудии пропали, моя помощница сообщила мне, что кто-то входил туда ночью, и сейф был открыт. Снимки украдены. Там же у меня хранятся разные бумаги с моей подписью, как и уже готовые формуляры, ожидающие внесения в них имён клиентов, – пока он тараторит, делаясь случившимся, по моей спине скатывается холодный пот.

Отель «Ибис» как раз расположен недалеко от ресторанчика, в котором мы были с Мирой.

– Вы уверены, что видели именно её? – Уточняю я.

– Да, это была та самая девушка с фотографии.

– А гипс или повязка на руке была?

– Нет, на ней было очень открытое платье, демонстрирующее все изгибы фигуры.

– И вы сказали, что она опоила вас, подделала компрометирующие снимки и шантажировала, затем пробралась сюда и украла фотографии, как и, вероятно, один из документов, чтобы иметь возможность владеть исходниками съёмки Эмиры Райз?

– Скорее всего, так и есть, потому что после случившегося я начал получать угрожающие сообщения на почтовый ящик. Вроде: «пора собрать вещи и исчезнуть», «ты ещё в городе? Тебе будет очень плохо». А потом мне начали звонить и спрашивать о том, была ли у меня интимная связь с Эмирой Райз. Как и поступали ещё более устрашающие сообщения о том, если я не удалю снимки, то вся моя семья пострадает. Я понял, что та встреча была не просто передачей прав, а чем-то очень грязным. Мне пришлось наспех закрыть фотостудию и отправить жену с детьми к своим родителям, пока ждал чего-то... вроде вашего появления. Я готов понести наказание за свою глупость, но только не трогайте мою семью. Она ведь ни при чём... она...

– Успокойтесь, никто не хочет причинить вреда вашим детям и жене. Вам придётся передать мне написанный от руки документ с вашей подписью и печатью, подтверждающий, что вы передаёте все права на фотографии Эмиры Эрнесту Райзу, а снимки... я что-нибудь придумаю. Времени мало, поэтому прошу вас, напишите это, я должен выйти отсюда хотя бы с чем-то, – прошу я.

– Хорошо. И меня оставят в покое?

– Надеюсь на это, – слабо киваю ему.

Значит, Саммер находится здесь, в Женеве. Она не уезжала домой, а наблюдала за всем, и даже её перелом или что там у неё было, тоже является фальшью, чтобы подставить Миру. Флор в то время ходила в отель. Какая вероятность того, что они действуют вместе? Что та малышка Флор, зашуганная и боящаяся собственной тени, связалась с отъявленной и неадекватной сукой? Сейчас я готов поверить во всё это и больше не видеть во Флор милую и прекрасную девушку. Чёрт, как же была права Мира. Но за что Флор так ненавидит сестру? Что она ей сделала? У Миры есть все причины, чтобы относиться к Флор так, как это было, но у Флор-то какие? И зачем ей это всё? Какой в этом смысл?

Фотограф передаёт мне бумагу, и я, разворачиваясь, выхожу из комнаты.

– Всё, поехали. Все документы у меня, – сухо произношу я, направляясь вперёд по коридору.

Мне нужны факты, но вряд ли в отеле «Ибис» мне расскажут об их влиятельных постояльцах, да и терять время я не собираюсь. Все ответы я могу получить только у одного человека – Флор.

– В университет, но перед этим останови у аптеки, – говорю я, садясь в машину.

Пока шофёр исполняет мой приказ, я пишу Эрнесту о том, что узнал и прикрепляю фотографию документа. Не утаиваю ничего, даже тот факт, что снимки были украдены, и за всем этим стоит Саммер. Пишу ему всё подряд, обещая разобраться с этой ситуацией. А он, скорее всего, начнёт судиться с теми, кто использует кадры, обнажённой фотосессии, в своих целях. Вряд ли это дело пойдёт дальше, и разбирательство с самой Саммер, скорее всего, не начнётся. Она могла уже улететь, чтобы никто не смог доказать её причастности. Но я уверен, что Флор встречалась с ней. Вероятно, она могла выставить снимки, полученные от Саммер, на сайт, и это легко проверить. И, не дай бог, я найду факты предательства Флор по отношению к Мире, то я убью её. Убью так, как знаю и умею. Я буду уничтожать всех одного за другим, пока не найду зачинщика. И мне плевать на то, что Флор обманула, подставила меня и использовала. Мне насрать на себя, а вот за то, что пережила Мира из-за их дерьмовой сущности, я истреблю их тем же способом. Я забуду о том, что мечтал стать нормальным. Я ребёнок улиц, и мне известно достаточно способов заставить человека жить, будучи мёртвым внутри, осквернённым, сотворившим с ним это.

Приняв душ и, приведя себя в более или менее достойный вид, направляюсь в столовую, не обращая внимания на тех, кто со мной здоровается. Покупаю сытный и презентабельный обед, чай, и направляюсь к главному корпусу общежития. Поднимаюсь на нужный этаж, и удерживая поднос на одной руке, стучусь в дверь. Спустя пару минут, слышу шаги.

– Флор, это я, – вкрадчиво произношу.

– Раф? Мне запрещено с кем-то говорить до внутреннего суда и...

– Детка, это же я. Обед тебе принёс, и хотел извиниться за то, что устроил в больнице. Мне так гадко оттого, что я напился и напугал тебя. Мне паршиво, Флор, ведь если бы не я, то ничего бы с тобой не случилось. Я скучаю по тебе. Ты мне нужна, пожалуйста, – скулю, ожидая вердикта. Конечно, он будет положительным, ведь я прекрасно умею убеждать девушек делать то, что хочу. Замок поворачивается, и на пороге появляется Флор. Её синяки не так красочны, как я запомнил. Ложь. Всё это ложь. Не будет жертва насилия стоять напротив меня одетая в шёлковый комплект, открывающий ещё больше обнажённое тело. Они боятся, что на них вновь нападут, и скрывают каждый кусочек кожи, а Флор – нет. Её волосы распущены, и весь вид кричит о том, что она совершенно не расстроена обстоятельствами, скорее, удручена тем, как к ней теперь относятся. Блевать тянет, но я радостно улыбаюсь ей и вхожу в комнату.

– Как ты себя чувствуешь? – Интересуюсь я и, ставя на стол поднос, поворачиваюсь к ней.

– Я не хотела возвращаться, а мама требует этого. Она заиклена на том, чтобы Миру наказали, но я... не желаю этого. А она твердит об одном: «Место главы сестринства свободно, и ты можешь его занять». Она не слышит меня, даже не хочет понять, что они все показывают на меня пальцем, а парни... мне страшно встречаться с ними, – причитает девушка, обнимая себя руками.

Какой же я был дурак, если раньше вёлся на эти огромные глаза, полные слёз, невинный взгляд, на ужимки и стеснительность! Идиот, мудака до кончиков волос, не замечающий, как явно она умеет ввести в заблуждение любого, но при этом демонстрирует то, что может быть его.

– Мне так жаль. Правда, жаль, что мать у тебя сука. Иди ко мне, – раскрываю для неё объятия, и она с радостью падает в них, захлёбываясь слезами. Поглаживаю по голове, а внутри меня такая боль. Жуткая боль, оттого что эта стерва заставила меня совершить жестокое и бес-

человечное преступление против той, кого так люблю. До сих пор люблю... так люблю. И в эту минуту мне кричать хочется, ведь я только сейчас полностью осознаю, в какое дерьмо впался. А Мира? Мне требуется увидеть её, обнять вот так и молить о прощении... молить, пока язык не отсохнет.

– Всё, успокойся. Всё позади, они прекратят судачить. А виновных не нашли? Насильников? – Интересуюсь я, мягко отстраняя девушку от себя.

– Нет... мама говорит, что они и не нужны, хватит того, что Мира подтвердила свою причастность к этому. Она так ненавидит её. Господи, Раф, как можно так сильно не любить своего ребёнка? Как? Не понимаю, мне хочется ударить маму за то, что она говорит. Она обезумела, отцу не позволяет звонить, забрала у меня мобильник. Она здесь и постоянно приходит проверять меня. Я не хочу быть в этом месте, Раф, не хочу, – плачет Флор, опускаясь на кровать.

– Это надо пережить, Флор. Ты должна. Ты сильная, и мы вместе справимся со всем. Я с тобой. Пусть они делают что хотят, я найду выход. Я спасу тебя, – шепчу, присаживаясь на корточки.

– Да? Ты это сделаешь ради меня? А как же Мира, Раф? Ты что, тоже ненавидишь её? Вы же вместе были? – Всхлипывает.

– После того, что она сделала с тобой, мне противно даже от мыслей о нашей мимолётной связи. Мне хочется оттирать губы, пока они корочкой не покроются. Я не ожидал, что она может быть такой жестокой к тебе, своей сестре. И я счастлив, что тогда заставил тебя подписать заявление, Флор. Ты всё правильно сделала, – нежно убеждаю её.

– Но ты же не помнил...

– Да, из-за алкоголя. Когда всё это случилось с тобой, я понял, что все мои эмоции и злость идут от крепких чувств к тебе, Флор. Я переживал ту ночь ужасно, представляя, что мог быть на их месте. И мне удалось бы показать тебе, чего ты достойна. Не боли. Не побоев и не насилия, а нежности, чувственности и медленных поцелуев, – продвигаюсь рукой по её бедру, касаясь кожи, и она не вздрагивает, а задерживает дыхание, ожидая более красноречивого подтверждения моей лжи. И разве так ведёт себя жертва насилия? Нет, миллион раз, нет! Она будет дрожать от страха, отбиваться и быть... Мирой. Её я бы принял за жертву насилия, а вот девушку, приоткрывшую губы для поцелуя, нет.

– То есть ты... ты любишь меня? – Шепчет Флор.

– Конечно, детка, конечно. И я знаю, что моё положение...

– Да плевала я на это, Раф. Я думала, что тебе будет противно прикасаться ко мне, и ты... господи, Раф, я так счастлива. Только ты у меня есть, – Флор сама обхватывает моё лицо и прижимается к моим губам своими.

Так, главное, чтобы не стошнило. Держись, Раф, покажи ей, как сильно её «любишь». Притупи её сомнения, а затем... затем будет очень больно.

Флор отрывается от моих губ и смотрит на меня триумфальным взглядом. Как будто добилась того, чего всегда хотела.

– И я волнуюсь о тебе. Ты должна поесть, хорошо? А я буду здесь, если придёт твоя мать, то спрячусь и подожду, пока она не уйдёт. Я тебя не оставляю одну, и все они у меня в кулаке. Скажу: «принять тебя, как свою королеву», они это сделают, а Эмира Райз поплатится за всё, что причинила тебе, – выпутываюсь из рук Флор и, поднимаясь, указываю на поднос.

– Я не хочу быть королевой, Раф. Мне это не нужно, я просто быть любимой тобой хочу, и всё. Уехать отсюда куда угодно и забыть о том, насколько это место гадкое и жестокое, – тихо отвечая, она подходит ко мне и садится на стул. Пододвигаю к ней поднос, улыбаясь, и наблюдаю, как ложка за ложкой она съедает снотворное.

Не отрицаю, что поступаю неверно по отношению к Флор, но она лжёт. Она соучастница преступления против моей любимой. И я не пощажу никого, но мне нужны доказательства, чтобы начать мстить. Они мне требуются сегодня, и тогда все будут бояться моего гнева.

Флор съедает половину того, что я принёс, и допивает чай. И этого хватит, чтобы через десять минут она почувствовала сонливость, и я, как придурок, с улыбкой предложу ей полежать. Я обниму её и буду рассказывать о том, что нас с ней ждёт, пока девушка полноценно не подарит мне шанс влезть в её аккаунт.

Убедившись, что Флор спит, поднимаюсь с кровати и подхожу к её компьютеру. Я помню пароль, который запомнил в тот день, когда она возмущалась после моего обвинения из-за слитых фотографий нашего поцелуя. А на сайте уже вбиты её данные, поэтому остались считанные минуты до правды. Навожу курсор на вкладку с сообщениями и щёлкаю на неё. Передо мной открывается несколько диалоговых окон, но фотографии Саммер нет, поэтому я начинаю с самой первой. Обычные вопросы о её самочувствии от разных студентов. И я кручу колёсико мышки вниз, пока не нахожу странный аккаунт с набором цифр и подписью – сайт. Выходит, есть ещё один аккаунт, на котором и содержится вся информация. Я рад, что они не так умны, как им хочется.

Достаю свой мобильный и фотографирую сообщение. Выключаю компьютер и пишу записку Флор о том, что меня вызвали к директору. Выхожу из её комнаты, забирая с собой поднос с остатками еды, который выбрасываю в ближайшую урну.

Если один из наборов цифр это пароль, то второй должен быть логином. Пока иду к сестринству, пытаюсь войти под этими данными на сайт, но не выходит. Хорошо, цифры могут означать буквы по их очерёдности в алфавите. Поехали. Пробую разные комбинации, затем проделываю то же на компьютере, и это занимает больше времени, чем я ожидал. Но всё же, нет ничего, чего я бы не смог угадать. Это моя стезя. И вот передо мной открывается страница, с которой и были выложены фотографии, обнажённой Миры, наши с ней снимки из кафе и много статей едкого содержания. Вот оно. Бывший профиль Беаты. И всё, что я вижу и читаю, вбивает в моё сердце острые гвозди, прорывающие его и окропляющие кровью мою боль. Я даю ей унести меня в тёмный и безграничный мир осознания потери из-за своей глупости и желания увидеть новую жизнь. Господи, как же невозможно сильно я раскаиваюсь во всём. Но теперь, получив доказательства, я отвечу. Отвечу так, чтобы никто больше даже не подумал о том, чтобы притронуться к Мире, подойти к ней или же посмотреть на неё. Я начинаю уничтожать... а потом самого себя, потому что прощения я не заслужил.

Глава 8

Мира

Для многих возвращение – это сложно и невыполнимо. Зачастую люди испытывают чувство стыда или же дискомфорта. Да, зачастую, но не тогда, когда они выжили даже после безумно болезненного внедрённого в сознание осколка воспоминаний и крушения абсолютной веры во что-то более лучшее. Нет, лучшего нет, и никогда не было. Мир не изменится из-за того, что ты вытерпела. Он продолжает существовать. И только ты в состоянии найти для себя спасительную шлюпку, чтобы навсегда исчезнуть из него. Только от тебя зависит, как будут складываться дела, и как повернутся обстоятельства.

Если раньше я могла легко и чётко представить себе будущее и модель поведения, то сейчас лишь одна цель заставляет меня гордо поднять голову и пройти мимо студентов, кричащих в спину нелюбимые вещи, заметить краем глаза фотографии, на которых я обнажена, и усмехнуться тому, насколько уже обглоданы кости. Меня подобное поведение окружающих абсолютно не трогает, совершенно не задевает мои чувства, а причина в том, что их нет. Ничего нет. Я словно продолжаю пребывать в тяжёлом и тёмном забытье, не слыша больше ни единого звука, а только стук собственного изнурённого сердца.

Раны имеют свойство заживать. Синяки исчезать. А кровотечения с помощью денег и медперсонала останавливаться. А потом всё гаснет. Свет исчезает из груди, наполняя всё моё маленькое и изящное тело мраком. Но как же быть с тем, что я до сих пор не пережила произошедшее? Да, как бы ни убеждала себя в том, насколько всё стало бессмысленным, я продолжаю бежать от воспоминаний. Но они преследуют везде: в нечаянном повороте головы и в резкой вспышке искорёженного лица; в пропавшем голосе, хотя и звука не издала; в бессоннице и редких сновидениях; на венах рук и в отражении моих глаз. Везде, буквально везде я могу прожить то время, когда безволие стало смертью. И не тела, а моего сердца. Мне больно... до сих пор очень больно.

Укол печали и горечи пронзает, когда вижу, насколько сильно изуродовали то место, которое я создала в первую очередь для себя. Как разрушились все мои жалкие попытки уберечь здесь близких мне людей. И с каким сожалением смотрят на меня Белч и Оливер, ограждающие от нападков студентов и помогающие войти в дом под жуткие крики толпы. Вижу, как девушки, оставшиеся в доме, со страхом подходят ко мне, и тяжело встретиться с их добротой и переживаниями за меня.

– Мира, я так рада, что ты вернулась, – Сиен тянет ко мне руки, но я дёргаюсь. Нет, не могу больше позволить, чтобы ко мне кто-то прикоснулся. Мне больно. Кожа болит даже от взглядов, а что будет от рук? Я не вытерплю. Больше не сильная. Сломленная. Внутри. Но никто этого не заметит и вряд ли поймёт, потому что тогда это будет означать конец не для меня, а для них. И сейчас я должна сделать всё правильно. В последний раз.

Прохожу мимо девушек и медленно поднимаюсь на второй этаж. Я не могу подобрать иных слов к своему состоянию, кроме печали. Мне жаль... очень жаль, что из-за моей ошибки и желания быть хоть кому-то нужной, всё обратилось в ад. Жаль... просто жаль.

– Мира, – Сиен догоняет меня на втором этаже и перекрывает путь к комнате, которую я бы желала поджечь. Это личное тяжёлое испытание в попытке вернуться. Ведь как только я войду туда, где боль стала кислородом, а жестокость – истиной, то могу сойти с ума, если уже не сошла. Я не уверена в своём состоянии, потому что апатия и безразличие, с которыми я поворачиваю голову к Сиен совершенно не вяжутся с бурей, терзающей меня изнутри.

– Как ты?

– В порядке, – практически шёпотом отвечаю ей. Я забыла звук своего голоса, так было проще. Каждый удар, и я орала внутри. Орала громко, но не из-за того, что он делал, а из-за собственной глупости. А потом всё стихло, превратившись в стеклянную призму, в которой уже ничего не чувствуешь и тебе всё равно, что с тобой делают. Говорят, что люди учатся на своих ошибках. Ложь. Видимо, меня жизнь мало чему научила, раз я попала в капкан обманчивой нежности.

– Сегодня внутренний суд, и ты должна сказать им, что была не в себе, или же хоть как-то объяснить, что не заказывала парней. Не ты, Мира. Я не верю тебе и точно знаю, для чего ты это творишь. Есть же миллион других способов выбраться отсюда, понимаешь? Но не тюрьма, не то, куда ты себя тащишь, – шепчет Сиен. Её глаза слезятся, а на моих губах играет слабая улыбка.

– Ничего уже не важно, милая. Я больше не могу. Тюрьма намного приятнее, чем дальнейшее пребывание здесь. Это всё. Это мой конец, который я приму так, как меня учили. С достоинством. Но я не в силах встретить его, поэтому прекрати убеждать меня, как и Оливер. Это я спровоцировала извержение вулкана, и я же отвечу за него.

– Мира... нет, пожалуйста. Господи, ты подумай, что с тобой сделают. Мы найдём выход, обещаю, ты же не одна. Вспомни, что мы рядом и мы твои друзья, дай нам шанс. Один шанс и время, ещё немного, и мы найдём...

– Шанс. Это нелепица, милая. Шанс на свободу у меня только один, – перебивая, качаю головой, и хочется погладить её по щеке, стереть горькую слезу, но не могу.

– Что он сделал, Мира? Что этот ублюдок сделал с тобой в ту ночь? Я видела кровь, и... пожалуйста, он не стоит этого. А мы? Как же мы, Мира? Они сожрут меня. Они ненавидят нас, сестринство и девочек, они готовы разорвать нас, а тебя боятся.

– Мне жаль, Сиен. Мне очень жаль, что тебе приходится проходить через это одной. Мне жаль, но Белч позаботится о тебе, а если нет, то я когда-нибудь отомщу ему за то, что бросил тебя. Будь сильной, ладно? Они никто, а вот ты моя подруга, других у меня не было, и вряд ли они будут, поэтому я хочу поблагодарить тебя за всё. Ты уникальна, и в тебе так много света, сохрани его, что бы ни случилось.

– Ты не можешь со мной проститься, Мира. Не так. Это глупо! Глупо подставлять себя из-за какого-то урода! Я убью его... я...

– Хватит, – прикрываю на секунду глаза, не желая сейчас портить момент воспоминаниями. – Хватит. Никто ни в чём не виноват. Так получилось, а сейчас меня должны ожидать, верно?

– Да, в твоей спальне сидит...

– Прекрасно. Что ж, пришло время открыть карты и подписать приговор. Ты умница, – дарю беглую и натянутую улыбку Сиен и вхожу в комнату.

Глубокий вдох и слабый... или же я выдумала аромат присутствия другого человека. Того, кто навсегда останется в моей памяти жутким кошмаром и властителем личной преисподней. От этого ощущения кожа непроизвольно покрывается мурашками, а горло пересыхает. Хотя нет ни единого подтверждения моим догадкам и выводам, и гостиная выглядит так же, как я её помню. Чистота. Свет, льющийся из окна, и закрытые двери. Стараясь не смотреть на дверь, ведущую к нему спальню, направляюсь к себе.

Ещё немного... немного, и всё закончится. Я забуду обо всём, что здесь случилось, и окунусь в другую жизнь, где будет намного проще выживать. Честно, даже тюрьма мне не кажется такой ужасной, как продолжение учёбы здесь. Да и чему учиться? Травить друг друга? Насилловать? Бить? Уничтожать? Надоело. Всегда приходит логическое завершение, и как я однажды говорила, конец никогда не бывает счастливым. Он просто наступает, и не важно, что было до него. Это точка, после которой нет больше никакого продолжения.

Нажимая на ручку двери, я уже доподлинно знаю, что меня ожидает. Моё сердце молчливо вновь, а неприятный остаток от неполученной и такой необходимой любви отца отражается на моём лице кривой усмешкой, с которой я и вхожу в спальню. Мужчина, расположившийся в кресле, медленно поднимается при моём появлении, а мой взгляд прикован к идеально застеленной белоснежным покрывалом постели. Яркие точки... воспоминания, жуткое желание умолять остановиться... и тишина, оборвавшая все мои фантазии.

– Грог. Знаешь, я даже не удивлена тому, что именно ты прилетел в Швейцарию. Наверное, у отца очень важное совещание или же посещение новых фабрик, верно? Как всё предсказуемо, – нарушая едкую тишину, хрустящую своей гадкой подложкой из той ночи, язвительно произношу я и подхожу к кровати, оставляя на ней дорожную сумку.

– Эмира, – произносит он укоризненно и обвиняюще.

– Можешь ещё раз сказать моё имя, но уверяю тебя, я знаю его наизусть. Так что же побудило тебя приехать сюда вместо моего отца? – Поворачиваюсь к мужчине, которого слишком давно и хорошо знаю. Одиноким, полностью отдавший свои лучшие годы моему отцу и работе, его личный помощник и доверенное лицо, тридцати девяти лет.

– Что? Ты издеваешься? Через час состоится внутреннее собрание по поводу того, что ты устроила, Эмира. И даже не безобразные и оскорбительные фотографии, которые ты сделала, чтобы разозлить Эрнеста, заставили меня приехать сюда, а то, в какой ярости сейчас он пребывает. Он готов прибить тебя за всё, что ты натворила. И я вызвался сам решить это недоразумение, иначе тебе было бы плохо, – отчитывает меня, как и раньше. Не верю, он всегда выголавивал отца, когда ему было плевать на меня и на мои проблемы, желания и попытки стать другой, более самостоятельной. Так что и сейчас Грог прилетел сюда, чтобы вновь взять на себя всю ношу за проблемы от неугомонной, безбашенной и избалованной девчонки, то есть меня.

– Конечно-конечно, так всё и есть. Хотя бы здесь ничего не меняется, это радует. Итак, что ты хочешь от меня? Разбирательство состоится через час, а до этого времени я имею право немного отдохнуть.

– Эмира, прекращай. Твой характер и желание противостоять всем в этом мире просто смешны, тем более в такой ситуации. Мы должны вместе придумать правдоподобное объяснение твоему нелепому выпадку и показаниям против себя. Поэтому я предлагаю рассказать мне, как произошло всё на самом деле, и мы вытащим тебя, чтобы ты смогла продолжить своё обучение и прекратила вести себя так вульгарно.

– Серьёзно? – Гадкий смешок вырывается из груди, и я позволяю себе осмеять его глупое и ненужное предложение.

– Хватит, Эмира, это уже не шутки, и смех здесь просто неуместен. Тебя обвиняют по нескольким статьям, помимо заявления той девушки поступило ещё более десяти о том, что ты творишь в сестринстве, и каким испытаниям подвергаются желающие вступить сюда. Если последнее меня абсолютно не заботит и выглядит нелепым, то первое – это уголовное преступление, для оправдания которого у нас должны быть опровергающие факты. Ты отказалась говорить с адвокатом, повторяя, что вся вина лежит на тебе, и ты готова понести последующее наказание. И вот это мне непонятно, потому что я знаю тебя более пятнадцати лет и уверен, это очередная попытка досадить Эрнесту. Но это уже не шутки, Эмира, тебя, как гражданку Англии будут судить сначала здесь, а потом в Лондоне. И если в Швейцарии тебя признают виновной, то правительству придётся вытаскивать тебя из этой ситуации, а твоему отцу будет очень сложно потом вести дела. Ты должна подумать разумно о последствиях своих детских обид. Ты уже не маленькая девочка, Эмира. Ты молодая женщина и обязана защищать себя, – делает шаг ко мне, вынуждая задрать подбородок и недовольно поджать на секунду губы.

– Всё сказал? Если да, то пошёл вон отсюда, Грог. Встретимся в корпусе администрации через час, – сквозь зубы шиплю я.

– Господи, Эмира! Чего ты хочешь этим добиться? Внимания Эрнеста? Так сбрей волосы, сними порнографию или же татуировками забей всё своё тело, но только не тюрьма, чёрт бы тебя побрал! Я не позволю тебе загнать себя в гроб раньше времени! Не на моих глазах, тебе понятно? Поэтому я требую, чтобы ты сейчас же мне рассказала правду о том, кто тебя заставил взять всю вину на себя, и кто был зачинщиком на самом деле? – Всё, его терпение лопается, и он кричит на меня, а это действует совершенно противоположным образом не так, как он ожидал. Это вновь возвращает меня в ту ночь, где обвинения, неверие и боль наполняют разум, а сердце сжимается от каждого разрыва тканей, от вони, ненависти и наркотического влияния на мой мозг.

Я не собираюсь оправдываться! Нет! Больше не буду унижать себя, умоляя поверить в меня и мою человечность! Нет! Я сказала – НЕТ!

– Это я, Грог. Именно я хотела уничтожить эту суку и лучшее, что я могла сделать – показать ей, что она лишь шлюха и ничем не отличается от нашей мамочки. И я рада, что она испытала это. Я счастлива знать, что она пережила жестокое изнасилование, и её неприятная и слащавая морда была избита. Жаль, что она не умерла. Очень жаль. Они такие трусы, я бы сделала всё иначе. Я бы изуродовала её полностью и заставила захлёбываться кровью, вытащила бы на улицу и прибила бы гвоздями к кресту. Я бы распяла эту святую невинность и подожгла бы её, чтобы она сгорала и подыхала в страхе, – от моих слов мужчина бледнеет и с ужасом смотрит на меня.

А я честна, правда. Я ненавижу её. Ненавижу эту тварь. Ненавижу. И мне жаль, что она живёт. Жаль. Я жажду её смерти. Жажду, чтобы ей было так же больно, как и мне, всю мою жизнь. Жаль... как жаль, что, таким как Флор, везёт, и обман никогда не раскроется, потому что подобные ей – это исчадия ада в моём понимании. Ненавижу... всем сердцем... и он бы орал, бегал вокруг костра и плакал горькими слезами, когда понял бы, что моя жестокость была не к ней, а к нему. К этому подонку, оставшемуся в той ночи зверем моего сознания.

– Господь всемогущий, Эмира, очнись. Что ты говоришь? – Шепчет Грог.

– Не нравится? Мне тоже не понравилось то, что она выползла и выжила. Я бы хотела узнать утром, нежась в своей кровати, что она была насажена на ножку стула и истекла кровью. Жаль. Тебе нет? Какие вы все добрые, меня сейчас стошнит, – кривлюсь от отвращения и передёргиваю плечами.

– Ты сошла с ума, скажи? Эмира, ты, вообще, осознаёшь, что сейчас несёшь? Какая смерть? Какое распятие? Конечно, я понимаю, что ты подавлена и оскорблена тем, что тебя обвинили во всём, но ты допустила это. И сейчас прекрати нести полную ахинею, мы должны составить план наших действий, а об этих глупостях забудь и не смей даже заикаться о них в зале заседаний. Тебе всё ясно?

Цокаю от его требований и закатываю глаза. Глупые. Какие ж они глупые, ничто не изменит моего решения. Ничто и никто. Мне всё равно. Теперь всё равно, что будет дальше, главное, обрести свободу.

– Так, сначала мы будем обсуждать всё лично. Там соберутся акционеры и администрация, как и миссис Делон с дочерью и их адвокатом. Я выступаю от твоего имени, как попечитель и как юрист. Я уже созванивался с их адвокатом, и мы обсудили варианты предложений. Они готовы забыть об этой ситуации и забрать заявление, объяснив это тем, что мисс Делон была не в себе, за десять миллионов евро. Твой отец готов...

– Нет! – Мой голос. Громкий. Из сердца. Полный ярости.

– Никаких денег! Никогда эти твари не получают ничего от меня! Нет, ты, вообще, слушал меня? Нет! – Взмахиваю руками, а волна ненависти и ядовитой злости туманит разум. Суки!

– Эмира, это самое разумное, что мы можем сделать. Деньги не так важны, как твоя свобода. Это позволит тебе дальше...

– Ты меня не услышал, Грог? Я сказала – нет. Ни евро эта шваль не получит. Ни евро, – моя рука, которую выставляю вперёд, трясётся от эмоций.

– Если я услышу, что ты это предложишь им, то обещаю, что убью её. Обеих убью. Клянусь, я буду убивать каждого, кто дальше встретится на моём пути. Убью этих тварей, и они не получат никаких отступных. Я убью её. Клянусь, Грог, всем, что у меня есть. Я убью Флор, – шипение разносится по комнате, и я наступаю на мужчину, а он шокировано отходит назад.

– Эмира, ты не в себе. Хватит нести чушь! Какие убийства? Что, вообще, творится в твоей голове? – Возмущённо повышает он голос, вынуждая меня доказать, что я ни перед чем не останавлиюсь на пути к свободе. Эта сука никогда не получит от меня денег!

Рывком разворачиваясь, подхожу к сумке и, открывая её, достаю то, что мне удалось приобрести за довольно круглую сумму. Я подготовилась. Была уверена, что меня вряд ли кто-то услышит, а это даст мне шанс... один шанс убежать.

– Я убью её. Она не жертва, а мразь, как и её мамочка. Они обе ответят мне за всё, что я вытерпела, если ты не послушаешь меня и не дашь озвучить им вердикт, – добавляя низким голосом, поднимаю пистолет и поворачиваюсь к Грогу.

– Надеюсь, это муляж, Эмира? – Надо же, он боится. Это к лучшему.

Усмехаясь, щёлкаю на предохранитель и направляю пистолет на него.

– Хочешь, я проверю?

– Так, Эмира, успокойся... всё хорошо. Где ты его достала? У тебя нет ни разрешения, ни...

– Ты же знаешь, что в этом мире за деньги можно достать всё что угодно, верно? Так вот я это и сделала. Думаю, тебе всё же необходимо точное представление о том, насколько я уверена в своих словах и требованиях. Что ж, я рада буду продемонстрировать это, – немного отвожу пистолет в сторону и нажимаю на курок. Грохот выстрела на секунду меня оглушает, а затем радость оттого, что я готова, наполняет силой.

– Чёрт! Эмира! – Кричит Грог, приходя в ужас от моего действия, и отскочив в сторону. Слышится топот ног, а я лишь изгибаю бровь, хотя меня трясёт от адреналина. Я не стреляла никогда в жизни. Но сейчас я безумна, признаю. Мне больно... мне так больно. И я не могу позволить, чтобы эти твари получили деньги и дальше жили спокойно, когда у меня больше никогда не будет этого. Они причина всех моих страданий и бед. Они! Из-за них всё случилось! Из-за них я страдаю! И мне хочется, чтобы и они окунулись в ад вместе со мной.

– Отдай мне пистолет, Эмира. Ты можешь пораниться... Эмира, ну же... это же я, Грог. Помнишь, как я учил тебя кататься на велосипеде? Помнишь? А мороженое, когда ты упала и поранила коленку? Мы купили его с тобой, и ты выбрала клубничное. Это я, и я хочу помочь, Эмира. Я же не враг, отдай мне оружие, – его голос срывается. Протягивает руку, пытаюсь заставить меня вспомнить, как долго мы знакомы, и надавить на жалость. Нет, я ничего не чувствую. Ничего, лишь хочу свободы. Я устала... так устала от них всех. Устала от боли, от последствий и не в силах больше выживать здесь. Не могу.

– Значит, ты понял, что я хочу, Грог, верно? Никаких денег, иначе я начну стрелять по мишеням, в которые превратятся все вокруг. Я... – не успеваю договорить, как кто-то влетает в гостиную, и раздаётся стук в дверь моей спальни.

– Мира, ты в порядке? Мы слышали... слышали выстрел вроде бы. Можно я войду? – Слышен надрывающийся и приглушённый голос Сиен, а я неотрывно смотрю в испуганные глаза Грога.

– Мне начать сейчас, или ты услышал, наконец-то, меня? – Отвожу руку в сторону двери.

– Мира? – Снова стук.

– Хорошо, ладно. Никаких денег.

– Всё в порядке, нечаянно опрокинула стул, – громко отвечаю я Сиен. – Уходи отсюда.

– Эмира, но ты же должна понимать, что если мы не откупимся, то они потребуют для тебя тюремного срока, – Грог делает ещё одну жалкую попытку достучаться до меня.

– Никаких денег они не получают, иначе я исполню свою угрозу. Пистолет будет со мной до окончания встречи. И если ты, хоть интонацией, посмеешь упомянуть об этом, то я хотя бы одну суку, но убью. Ты будешь молча сидеть там и ждать, пока мне не вынесут приговор. А затем меня поместят в отдельную камеру до слушания. И я хочу этого. С меня достаточно ваших приказов и вашего виденья моей жизни. Я виновна, и я отвечу за всё, как и все остальные. Вон отсюда, Грог. И ни слова отцу, не заставляй меня злиться. Он отказался от меня. Он даже не прилетел, посчитав, что моя жизнь ничего не значит, а вот деньги и его положение намного важнее. Ему всё равно, как я себя чувствую. И больше мне нет дела до того, как он отнесётся к моим поступкам. Ему дочь не нужна. А мне не нужны люди, чтобы вновь испытать разочарование в них. Вон, встретимся через полчаса в здании администрации, – указываю головой на дверь и ожидаю, когда мужчина нехотя подчинится. Да, он будет делать попытки ещё и ещё, но я не остановлюсь. Возможно, я, правда, сошла с ума, и когда дверь закрывается, больше не могу сдерживаться. Опускаюсь на кровать и откладываю пистолет.

Не могу... правда, не могу больше. До сих пор всё ноет, и рвёт меня на части. Мне просто больно. Больно дышать. Больно вспоминать. Больно двигаться. Больно находиться здесь. Больно. Всё больно. Даже мучения – это боль. И я боюсь увидеть ЕГО. Боюсь снова убедиться в том, что чувства – это фальшь и игра моего воображения. Я не смогу с достоинством пережить эту встречу, поэтому выбора у меня нет. Не знаю, что и как будет дальше, но мне страшно снова испытать боль, потому что от последней я ещё не отошла. Я всё помню: каждое слово и каждое обвинение. И пусть меня признают невменяемой, но пережить то, что он сделал со мной я пока не в силах.

Больно так... больно.

Глава 9

Мира

Всю прошедшую неделю я боялась даже представить свою встречу с НИМ. Отвергала и отгоняла от своего сознания мысли, что время пройдёт, и будет назначена эта минута. Я знаю, что не избежу подобной участи и не представляю, что буду чувствовать. Буду ли? Я больше не понимаю, что мне нужно сделать, чтобы мой отец меня услышал и забрал отсюда. Я не в силах бороться за то, чего мне никогда не хотелось, а точнее, за место в сестринстве и особенно быть его главой. Я была вынуждена так поступить. Всё, что я делала здесь – из-под палки на ограниченной площади общения и способов выживания. Другого выхода у меня не было. И сейчас я ухватила за последний шанс выбраться отсюда и меня не волнует, каким он будет. Пусть даже тюрьма, я готова... клянусь, готова, потому что страшнее встречи с кошмаром, сотворившим из меня равнодушное создание, ничего ещё не происходило со мной. Правда, я боюсь. Боюсь сильно, ведь воспоминания невозможно стереть. И я отчётливо, слишком отчётливо помню ту ночь и его безумные, страшные глаза, прожёгшие насквозь во мне дыру из ненависти, боли и насилия. Никто из них, осуждающих меня, не знает, что я такая же, как и они. И я бы всё отдала за то, чтобы просто стоять в толпе и быть ни при чём, не отличаться ничем от мне подобных и быть незамеченной Беатой. Но увы, моя судьба иная.

Тихий вздох и слабая улыбка Сиен, оставшейся позади меня перед входом в здание администрации. Крепкая хватка сумочки, в которой лежит оружие. Я с ума сошла... да, сошла, потому что мне больно. Мне страшно. А они, те кого я считала просто вынужденными знакомыми, сопровождали меня на всём пути от сестринства до дверей администрации, как будто защищая от криков других студентов, собравшихся, чтобы первыми узнать приговор. И во мне рождается огромная благодарность к Оливеру, Белчу, Сиен, девочкам и всем парням из братств, продолжающих бороться за меня, когда я в этом больше не нуждаюсь. Мне жаль, что я так глупо поступила с Оли, ведь он одним взглядом подбадривает и обещает, что никогда не позволит кому-то причинить мне зло. К сожалению, я сама это с собой сделала. Сама.

– Эмира.

– Не смей. Пистолет со мной, Грог. И я абсолютно серьёзна, – поворачиваясь к Грогу, напоминаю ему и указываю взглядом на сумочку.

– Это безумие, Эмира. Ты сошла с ума, но я согласен. Ни словом, ни делом не предложу им деньги, как и не собираюсь защищать тебя, а буду лишь ждать вердикта, – его странное спокойствие и усмешка напрягают. Вряд ли он так легко сдастся. Значит, что-то придумал. Вероятно, он считает, что я не способна на убийство. Глупость, сейчас я способна на всё, когда так близка свобода. Меня не волнует то, что будет потом. Я выберусь из этой тюрьмы любым способом, даже таким жестоким.

Сухо киваю ему, и он показывает мне рукой следовать за ним. Меня не удивить тем, что я увижу в отдельном кабинете для обсуждения важных вопросов администрации. Конечно, им не хочется, чтобы такой лёгкий заработок, который они получают вместе со мной, исчез, поэтому будут договариваться всеми возможными лстивыми словами с оппонентами. Но это никому не поможет. Она хочет денег, я в этом уверена. Она ждёт их от моего отца и нагнетает обстановку специально. Честно, мне жаль, что Флор отделалась так легко. Мне очень жаль. Была бы моя воля, я сейчас же обеих пристрелила бы. Откуда столько ненависти? Причин слишком много, чтобы её не было. Эти женщины, эти твари, забирают у меня всё. Они разрушают меня с рождения, и я не собираюсь позволять им делать это со мной теперь. Хватит. Одна продала меня, а вторая продолжила дело своей матери. Не верю я в невинность. Не верю больше ничему и абсолютно точно знаю, что ей было не так больно, как она рассказала всем.

Мне было больно, а они... лишь играют роль жертв. И ОН им помогает. ЕГО нет здесь. Не было в толпе. Нет вещей. Комната пуста. Я не собираюсь проверять, но Сиен не позволила бы ЕМУ больше находиться рядом со мной, раз увидела последствия той ночи. Она ЕГО выгнала, и ОН должен быть где-то рядом. Наблюдать за всем и радоваться тому, что ЕМУ удалось меня сломить. Нет, я вернулась и не покажу никому, ЕМУ тоже, что ЕГО жестокость как-то отразилась на мне. Нет! Но и Он тоже встретится с последствиями в лице моего отца. Не жаль. Совсем не жаль, пусть отец убьёт ЕГО и всю ЕГО семью. Пусть, я хочу отомстить ЕМУ. Хочу увидеть страх и боль в ЕГО глазах, тоже насладиться ЕГО кровью на моих руках и слышать мольбы. Ненавижу... так сильно ненавижу. Это чувство заполнило собой всё моё сердце, превратив его в острый и тёмный камень. Ненавижу... и боюсь ЕГО, как бы жалко это ни звучало. Боюсь увидеть. Боюсь почувствовать. Боюсь вспомнить.

– Мисс Райз, вы готовы? – Ко мне обращается месье Леду, и я, моргая, концентрирую на нём своё внимание, стоя перед дверями конференц-зала.

– Конечно. Ничего так не ждала, как тюремного срока, – с насмешкой отвечаю ему. Бросает беглый взгляд на Грога, и тот в ответ отрицательно качает головой, сообщая о том, что ему не удалось меня переубедить или же выудить из меня информацию.

С тяжёлым вздохом мужчина поправляет пиджак и открывает дверь. Входит первым, за ним Грог, а потом, словно закрывая от лишних глаз, пропускают и меня. Но я не собираюсь прятаться за спинами этих людей и, толкая Грога, выхожу вперёд. Приподняв подбородок и с широкой улыбкой, оглядываю всех присутствующих. Акционеры университета, преподаватели и последние – наглая и неприятная сука со своим адвокатом.

– Надо же, ты ещё жива, мамочка. А где твоя малолетняя шлюшка? Неужели, испугалась? – Ехидно нарушаю тишину.

– Эмира!

– Мисс Райз.

Возмущения с двух сторон, но я смотрю в её лживые глаза и вижу там только ненависть. Взаимно.

– Я не собираюсь слушать эту девушку, месье Леду! Требую, чтобы её немедленно арестовали и увели отсюда! Моя дочь боится выходить из комнаты, опасаясь, что эта избалованная преступница нападёт на неё! – Взвизгивает она, подсакивая со стула и указывая на меня пальцем.

– Миссис Делон, прошу вас успокоиться и принять во внимание то, что эта встреча необходима и вам, и нам, чтобы полностью разобраться в создавшейся ситуации. Арест и испорченная судьба ещё юной и порой импульсивной мисс Райз никому не принесут ничего хорошего, поэтому присядьте. А вы, мисс Райз, будете отвечать тогда, когда вас спросят, – директор бросает на меня, предостерегающий взгляд, от которого я только ухмыляюсь. Ни черта! Я заставлю их немедленно избавить меня от этой твари и её мрази!

– Флор ещё жива, мамочка? Так жаль... так жаль, я бы хотела, чтобы она...

– Эмира, закрой рот! – Криком обрывает меня Грог.

– И это я должна терпеть? Это уже прилюдная угроза жизни моей девочки! Моей дочери! Это и есть чистосердечное признание в преступлении, совершённом над Флоренс! И я требую, как минимум пять миллионов евро за подобное отношение! Только тогда я смогу нормально вести диалог!

– Пять миллионов? – Шокировано шепчет профессор экономики от такого заявления этой «Найды».

– Миссис Делон, никаких сумм на ваш счёт не поступит. Мы отказываемся выплачивать вам отступные, как и требуем присутствия вашей дочери, чтобы воспроизвести события того вечера, – резко произносит Грог.

Хорошо, сойдёт.

– Что? Но мы же договаривались... мы...

– Ни хрена ты не получишь, тварь. Ни хрена, поняла? Ты продажная, лживая и противная сука, которая только и хочет вытащить из моего отца деньги. Так что сдохни от своей корысти, – шиплю я. Ох, как же хочется достать пистолет и направить на неё. Выстрелить, к чёрту, и убить прямо на месте! Вот она причина, всего случившегося! Вот! Деньги! Мать их, деньги моего отца! И этому козлу они тоже платят!

Под властью своих эмоций, пока остальные пребывают в ещё большем ужасе и изумлении от моих слов, да и, вообще, от происходящего, тянусь к сумочке и, действительно, намереваюсь совершить безумие. Убью! Её убью! А потом другую!

– Эмира, остановись, – тихий голос Грога, и его рука, лежащая слишком близко к моей, вызывают минутный страх, и я дёргаюсь от этого.

– Хм, мисс Райз не в себе из-за обвинений и не может контролировать свои слова и действия. Она до сих пор в сильнейшем стрессе. Мы же взрослые люди и можем обсудить всё мирно. Миссис Делон, присаживайтесь и вызовите вашу дочь. Требования мистера Грогсмелла разумны. Мисс Райз, попробуйте держать язык за зубами, – нарушая мрачную и давящую тишину, произносит месье Леду.

– Я виновна. Разговор окончен. Она не получит денег. А я готова идти под суд за всё, что совершила. Так что присаживаться незачем, – заявляю я.

– Мисс Райз, вы не должны этого делать, – тихо произносит преподаватель по конному спорту.

– У нас пока нет доказательств, и ваши слова, мисс Райз, продиктованы стрессом, и только, – категорично отрезает месье Леду.

– Но она призналась, верно? Так зачем мне подвергать свою дочь такому жестокому испытанию, как встреча с чудовищем, которое вырастил Эрнест? Она достаточно настрадалась в вашем «элитном» заведении. И об этом я расскажу всем своим знакомым, если нам не оплатят лечение у психолога и восстановление, как жертве насилия и избиения. Мы вправе требовать это, и мой адвокат собрал необходимые документы. Мы хотим пять миллионов, и тогда попробуем забыть об этом инциденте, – вступает в разговор «мамочка».

– Где ваша дочь, миссис Делон? Насколько мне известно, она свободно выходит из спальни и пару дней назад даже выезжала в город, – подаёт голос Грог.

Зачем тащить сюда эту суку? Пусть прячется, и мне плевать на это! Смысл?

– Она напугана и не желает находиться здесь, а вы, мистер... как вас там, не смеете даже упоминать имя моего ребёнка в присутствии этой стервы! – Взвизгивает мать, вновь указывая на меня.

– К слову, ты родила меня, значит, я тоже, по идее, твой ребёнок, что мне не нравится. И я не против того, что твоей глупышки здесь нет. Грог, хватит. С меня довольно, и я уже сказала своё слово. Я виновна. Я заплатила парням, чтобы они её убили! Да-да, не смотрите так, я хотела, чтобы они её убили! Уничтожили и заставили жрать говно. Но увы, они такие же трусы, как вы все. Но если вы не завершите это собрание немедленно, то я...

– Месье Леду! – Не успеваю закончить и показать им наглядно, насколько я в своём уме, в кабинет врывается Марджори.

– Господи, месье Леду, члены правления, мисс Райз... вы все должны это видеть! На сайте... на сайте сейчас происходит ужасное! – Кричит Марджори, когда мы оборачиваемся к ней.

– Сейчас не время...

– Нет, именно то самое время! Там человек... и там же мисс Делон! Видео! Онлайн! Скорее! – Женщина перебивает директора и вылетает из кабинета.

– Что происходит?

– Где ваша дочь, миссис Делон? – Требовательно обращается к матери месье Леду.

– В комнате, конечно. Вам бы следовало уволить вашу секретаршу за такое неподобающее поведение! Это неслыханно! Она позволяет себе слишком много! Вы избаловали как своих сотрудников, так и студентов, позволяя им угрожать смертью, и насиловать детей! Вы тоже причастны к этому, месье Леду? Защищаете её и пытаетесь утихомирить меня! Мой муж...

– Сейчас я подключу ноутбук к телевизору, и вы увидите. Он говорит, что ожидает, когда подключится кто-то из администрации, и тогда продолжит! Рассылка пришла всем, кто зарегистрирован на сайте со словами: «Вся правда об Эмире Райз и её жестокости», – тараторит вбегающая обратно Марджори.

– Что ты ещё натворила, Эмира? – Устало шепчет Грог.

– Я хочу уйти, – громко говорю.

– Нет, ты останешься. Ты же хотела получить наказание, не так ли, Эмира? Так наслаждайся. Ты желала этого, а сейчас испугалась? – Язвительно произносит Грог.

– Испугалась? Да я буду рада, если на видео есть то, как я убиваю эту суку, – шиплю и под всеобщее внимание демонстративно прохожу к столу и опускаюсь на стул.

– Марджори, ты уверена, что это сейчас не усугубит положения? – Спрашивает директор, направляясь к своему месту.

– Это поможет, потому что на фотографии была мисс Делон, и я уже попросила проверить её местоположение. Её нет в своей комнате, – уверенно кивает Марджори.

– Какие глупости! Моя дочь у себя! Она боится всех вас! Всё, с меня достаточно этого балагана! Я немедленно ухожу отсюда, и мы встретимся в суде! Я...

– Миссис Делон, для вашего же блага останьтесь, ведь ваша дочь в данный момент не там, где вы говорите. Выходит, вы обманываете нас и должны присутствовать при оглашении вердикта мисс Райз, – звонко говорит месье Леду.

– Это ты устроил? Я же предупреждала тебя, – поворачиваюсь к Грогу, расположившемуся рядом со мной.

– Нет, я, как и обещал, ничего не делал. Но, возможно, кто-то другой хочет помочь тебе получить пожизненное.

– Мой отец не смирится с их решением, – шепчу я.

– Он готов отказаться от тебя, если тебя осудят. Это повредит его репутации. Ты получила то, что хотела, Эмира. Пришло сообщение о том, что он больше не собирается вытаскивать тебя из проблем. Ты сама за них в ответе, – равнодушно пожимает плечами Грог.

– Что? – Шепчу я, а они продолжают ругаться. Мать бросается угрозами, а остальные пытаются успокоить её.

– Да, поэтому я согласился на твои условия. Эрнест приказал мне следовать всем твоим словам, что я и делаю. Пожинай плоды, Эмира, – мужчина указывает на телевизор, издавший шум.

– Я вижу, что к нам присоединился месье Леду, как и все, кто сейчас находится в зале заседания по делу Эмиры Райз. Теперь мы можем начинать, – голос, искореженный компьютерной программой, и человек в маске из фильма «V, значит вендетта» в чёрном одеянии и в перчатках такого же цвета, чтобы его не узнали, появляется на экране.

Приглядываюсь к аккаунту, с которого идёт онлайн-трансляция.

– Это же профиль Беаты, – шепчу я.

– Миссис Делон, как поживаете? Думаю, вы задержитесь немного, ведь вам интересно узнать, где сейчас находится ваша дочь? Ответ вы получите в самом конце трансляции. Больше суток прошло с её исчезновения, верно? Но не волнуйтесь, в данный момент ей хорошо... очень хорошо, – обращается ко всем говорящий.

– Что это значит? Где моя Флоренс? Это вы подстроили? Вы украли её? – Кричит мать.

– Тише, миссис Делон, – поднимая руку, произносит директор.

– Собралось достаточно зрителей. Цифра приближается к двум тысячам, как это замечательно, не так ли? А причина этому имя. Одно имя, которое вызывает у многих страх с примесью восхищения. Эмира Райз. Принцесса самых жутких кошмаров любого учащегося, возглавившая королевство и имеющая силу, чтобы выжить в нём. И вы ожидаете, что сейчас мои слова подарят вам улыбку и едкое наслаждение гнусностями, совершёнными ей, правда? И я приглашаю вас стать свидетелями честного и правдивого хода событий в ту ночь, когда Флоренс Делон была изнасилована и жестоко избита, – по голосу ничего не понять, только искорёженный компьютерный звук. Даже не угадать: мужчина это или женщина. Чёрный балахон скрывает все части тела, акцент или какие-то отличительные черты тоже не угадать в этом образе. Этот «блогер» хорошо подготовился к этой демонстрации, опасаясь преследования. Только кого и за что?

– Миссис Делон, ваша дочь, действительно, пропала? – Отворачиваясь от экрана, спрашивает месье Леду.

– Я... да, да. Я не могу ей дозвониться. Она только написала мне, что больше не желает быть моим ребёнком. Флор сбежала... и я думала, что это она заставила её. Это должно было стать последней угрозой в выплате денег, – поглядывая на меня, заикаясь и явно переживая за эту суку, отвечает мать.

Кривлюсь от этого и цокаю.

– Если бы хотела прикончить, то пришла бы лично и вытащила её на площадь перед администрацией, – фыркаю я.

– Мисс Райз, хватит. Значит, она может быть у этого человека? – Уточняет директор, пока на экране продолжают описывать в самых ярких подробностях события осеннего бала и то, как бесчеловечно, со слов Флор, я поступила с ней.

– Да, может быть. Где он находится? Что он с ней сделал? – Наконец-то, под властью эмоций и волнения эта наглая тварь падает на стул и с ужасом слушает монотонный рассказ.

– Надеюсь, что прибил, – бубню я, и получаю в ответ суровый взгляд Грога.

– Хватит, Эмира. Уже все поняли, каковы твои фантазии.

– Вряд ли. И я не понимаю, зачем нам это смотреть? Он сейчас подтверждает все мои слова, я признаю свою вину. И я...

– Закройте рот, мисс Райз. И даже не вздумайте выйти отсюда. Если мисс Делон у этого человека, то он может охотиться и за вами. Тем более мы не знаем причин подобного безобразия, – резко обрывает меня месье Леду.

– Да пожалуйста, – закатывая глаза, облакачиваюсь на спинку стула, возвращая своё внимание на экран, как и все остальные.

– Но вот знаете, что меня удивляет в вас, идиоты? А то, что из-за слов какого-то ублюдка вы возомнили себя всесильными. Вы решили, что имеете право нападать на беззащитных девушек сестринства и ломать мебель, угрожать им и считать, что вы, стадо баранов, можете совершить переворот? Нет, ваш лидер, тот, кто заварил всё это, прячется и напуган последствиями. Он сбежал и ожидает, когда всё закончится, чтобы вы сделали всю грязную работу за него. Не глупо ли? Очень. Вы её и сделали. Вы прекратили посещать занятия, превратились в пьяниц и наркоманов, а впереди вас ждёт огромный мир, в котором множество других красок. Только вы их не увидите. Для вас главная задача – уничтожить Эмиру Райз, потому что она сильнее вас всех. Она лидер. Она принцесса. Она не виновна ни в одном проступке, в котором созналась. И сейчас я вам это докажу, – экран темнеет, и камеру, как будто передвигают.

Что он сказал? Он упомянул ЕГО? И нет... нет...

Рукой тянусь к сумочке, оставленной на столе, но не нахожу и поворачиваю голову. Её нет! Там пистолет! Там моя свобода!

Встречаюсь с довольным взглядом Грога и замечаю, что она у него.

– Отдай... скажи им прекратить... пожалуйста... отдай, – мне плевать от того, что я шёпотом умоляю его.

– Нет, Эмира, я же сказал, что не позволю тебе сделать такое с собой. Ты не падёшь. Он прав. Ты сильная. Ты выдержишь. И ты сдалась, понимаешь? Не позволяй им ломать себя, борись, ведь кто-то за тебя борется. Значит, ты это заслужила, – в его горьких и тихих словах я теряюсь. Это не плану... так не должно было произойти.

– Это твой человек?

– Нет, единственный наш человек – Рафаэль, но я не знаю, где он сейчас. Он, действительно, сбежал. Твой отец зол и готов разорвать его. Поэтому я рад, что среди всех нашёлся один, готовый докопаться до правды и не дать тебе испортить свою жизнь. А это, – Грог под столом достаёт пистолет, и я дёргаюсь к нему, но он выставляет руку, удерживая меня.

– Я забираю. И это должно стать тебе уроком, Эмира. Твой отец никогда спокойно не наблюдал за твоими детскими проступками, так что предполагаю, что он нанял ещё кого-то оберегать тебя. На то он и отец, – Грог перекладывает на мои колени сумочку, а я сгораю. Что-то щёлкает внутри, и я осознаю, что теряю шанс. Последний шанс выжить. Я не скажу ему о том, насколько мне тяжело тащить на себе вину других. Не скажу ни о чём, но навсегда запомню то, что никогда не получу желанную свободу. Никогда. Это моя тюрьма, в которой мне придётся и дальше терпеть унижения и боль. Снова никто меня не спросил о том, чего я хочу. Снова кто-то решил всё за меня, точнее, отец. Я уверена, что они всё это спланировали заранее, поэтому Грог был так спокоен, а его слова должны были запутать меня вначале и уверить в том, что всё пойдёт по моему плану. Они поймали меня. Поймали...

– Флоренс! Боже! Флоренс! – Громкий крик раздаётся по тихому и безмолвному кабинету. Я даже вздрагиваю от того ужаса, который вызывает этот крик.

– Господи.

– Можно отследить, откуда ведётся видеозапись?

– Месье Леду, выключайте немедленно!

Несколько голосов сливаются воедино. Преподаватели и члены университетской администрации подскакивают с мест, смотря во все глаза на экран. И я поворачиваюсь к нему, потому что удивление на лице Грога говорит мне о том, что там я увижу нечто устрашающее.

Медленно поворачиваюсь к телевизору, пока крик и причитания матери, слёзы и мольбы громяют вокруг, разрываемые возмущениями и поиском вариантов оборвать съёмку. Истерика. Паника. Кажется, что я даже слышу голоса студентов, раздающиеся с улицы, стоящих перед зданием, ожидая окончания внутреннего суда.

– Мечты сбываются, да, Эмира? – Шёпот Грога мне на ухо, а внутри всё переворачивается от животного отвращения и шока вперемешку.

Глава 10

Мира

– Это она! Она сделала с ней это! Где моя дочь? Кто эти люди? – Визжит мать, пока её удерживают за руки, а Грог закрывает меня собой. Всё произошло слишком быстро: её нападение на меня, моя заторможенная реакция, крик боли, когда она коснулась ногтями моей руки, заваленные стулья.

– Миссис Делон, убеждаю вас, что Эмира ни при чём. Вероятно, вам следовало тщательнее следить за своей дочерью, раз сейчас она не особо-то и противится насилию, – замечает Грог.

– И если вы приблизитесь, то я буду стрелять на поражение, – мужчина достаёт мой пистолет и направляет на совершенно обезумевшую женщину. А меня трясёт. Мелкой дрожью. Холодный и неприятный пот скатывается по спине. И мне не стыдно прятаться за спиной Грога. Не стыдно, потому что страшно.

– Сэр, опустите...

– Все сели, живо. И будем смотреть дальше, – грубо перебивает директора Грог и указывает всем на их места, а на экране продолжается сношение. Другими словами назвать это невозможно. Множество мужчин, их даже сосчитать трудно в тёмной комнате, в которой стоит одна кровать. И среди них Флор. Они используют её тело, а она кричит и стонет. Не от боли, а от удовольствия. Это снимается близко, каждый толчок, каждый член, который она принимает в рот и в себя. Двойное проникновение, и как мне кажется, сперма блестит на её обнажённом теле, зажатом между двумя мужчинами в масках.

– Всё нормально? Ты в порядке? – Поворачиваясь ко мне, спрашивает Грог.

Могу лишь кивнуть, продолжая стоять за ним, наблюдая за происходящим на экране и за людьми, вернувшимися на свои стулья. Они напуганы, как и я.

– Моя девочка... она сделала это с ней... она... моя девочка, – плачет мать, а адвокат продолжает держать её, опасаясь пистолета в руке Грога.

– Очень гадко, не так ли, миссис Делон? – Раздаётся голос из телевизора.

– А как вы относитесь к этому, ублюдки? Нравится вам это? Нет? А ей вот очень. Вы удивитесь, как хорошо разработана её анальная дырочка. Вы только посмотрите, как она легко растягивается, – камера снова приближается, и все прячут глаза, а меня передёргивает от подступающей тошноты.

– Детка, ты рада? Тебе хорошо? – Голову Флор под сильными и мощными толчками разворачивают на камеру, и она растягивает губы в улыбке.

– Да! Да! Ещё! Дай мне ещё! – Кричит она.

– Как тебя зовут?

– Флоренс... блять, Флор! Флор!

– Хочешь ещё? Хочешь больше членов и удовольствия?

– Да, хочу... не останавливайся...

– Когда ты первый раз занималась сексом? Анальным, да? Ты не позволяла никому трогать твою вагину, пока не придёт время воспользоваться ей верно?

– В тринадцать... садовник... боже, так хорошо! А потом ещё... ещё... ещё! Мне нравится! Дай мне ещё! Я хочу ещё! – Крик, полный удовольствия и очень похожий на дурман алкоголя, наполняет слух каждого из присутствующих.

– Фу, – кривлюсь я.

– Молодец. Поработай ещё, а я пока покажу им, кто ты такая на самом деле, – рука в перчатке похлопывает девушку по щеке, и она снова набрасывается на оголённый член.

– Надеюсь, теперь вы убедились, что это, действительно, Флоренс Делон, в данный момент переживающая своё наказание за то, что для вас приемлемо – использование других в своих целях. Ломать людей. Разрывать их сердца. Подрывать здоровье и убивать изнутри. Но это всё слишком просто для равноценного ответа за то, что сделала эта сука. Она была не одна. И пока я предлагаю вам ознакомиться с материалом и жемчужиной моего наказания для неё, у вас есть выбор: признаться самим в том, что участвовали в подстроенном изнасиловании или же я приду за вами. У вас ещё есть время, пока я не прекращу видеотрансляцию, – раздавшийся неприятный смех безумца, сотворившего всё это, посылает по моему телу ледяные нити страха.

Съёмка меняется и показывает нам спальню, скорее всего, в недорогом мотеле, где на постели сидит Флор в нижнем белье и делает глоток спиртного, думаю, из бокала. Вокруг темно, горит только одна лампа, направленная на неё.

– Миссис Делон, это специально для вас. Сегодня я непозволительно щедр душой и позволяю вам узнать, что же именно заставило вашу дочь раздеться и наслаждаться алкоголем, как и сбежать от вас. Да-да, она сама решила на подобное без чьей-либо помощи, потому что не смогла устоять, перед соблазном, отпраздновать победу над Эмирой Райз. Да и я считаю, что она попросту струсилась встретиться со своей кровной старшей сестрой лицом к лицу. Через три часа вы, миссис Делон, войдёте в кабинет, в котором будет происходить ваше личное правосудие над родной дочерью, которую вы желали когда-то видеть мёртвой. Вам плевать на своих детей, а вот на деньги – нет. Вы будете любой ценой добиваться их. Увы, вы ничего не получите, а они вам понадобятся.

– Мне нужно ещё, – доносится слабый голос Флор на видеозаписи.

– Вот то, что она просит, – перед камерой демонстрируют шприц с какой-то жидкостью белесого цвета.

– Дай... дай... мне уже надо, – шепчет Флор и бросает бокал, отчего содержимое разливается, а сам он разбивается где-то за кадром.

– Стоять, детка, иначе я его выброшу, – играя шприцем, угрожает снимающий.

– Нет... нет, не делай этого! Я хочу, мне он необходим. Пожалуйста, сделаю всё ради него. Пожалуйста, – в глазах Флор собираются слёзы, и она тянет руку.

– Наркотики. Вы хоть раз задумывались над тем, как быстро можно подсесть на них? По опыту, который мы провели с этой очаровательной малышкой, ей необходимо всего четыре дозы, восемнадцать часов – и теперь она живёт от шприца до шприца. Я считаю, что это довольно разумно, ведь ни она, ни её друзья, ни разу не приняли во внимание то, как препарат может повлиять на разум, физическое состояние и самочувствие их врагов. Они должны знать, насколько смертельны подобные игры, и теперь мы играем в них же, с лёгкостью приняв правила. А что здесь? Хм, дайте вспомнить. Вроде бы героин и что-то ещё, не запоминаю таких мелочей. Лечение предстоит долгое, и с этих пор, миссис Делон, вы, действительно, начнёте быть матерью, а не сукой, гонящейся за богатством. Но вернёмся к нашей прекрасной и новоиспечённой наркоманке. Флоренс, ты сказала, что готова сделать всё за дозу?

– Да, всё, – быстро кивает она.

– Тогда я хочу знать, кто для тебя Эмира Райз?

– Дрянь... ненавижу её. Я хочу, чтобы она умерла... умерла и ей было так же больно, как мне. Больно так сильно... ненавижу эту дрянь. Вечно слышала: Эмира это, Эмира то, Эмира лучше тебя, ты должна быть такой же, как Эмира, ты ничтожество, а она принцесса. Так вот это ложь, она шлюха, и я трахалась с её Оливером! Ага, трахалась, когда накачала его алкоголем! У меня снимки есть! Теперь дашь мне ещё? – Скулит Флор, а по залу разносится шёпот.

– Остановите... – плачет моя мать, а мне не жаль её. Ни капли. Она заслужила смотреть на то, что сделала со своим ребёнком. Она сама привела Флор его к этому и теперь ей предстоит многому научиться. Хотя думаю, что она просто сбежит, трусливо бросив свою семью.

– Нет, пока рано, детка, – шприц из камеры исчезает.

– Что ты хочешь? Я могу доставить тебе удовольствие. Клянусь, что сделаю всё... всё... дай мне... – отворачиваю голову от экрана на несколько секунд, не желая смотреть на это неприятное и унижительное зрелище. Я не удивлена сказанному, потому что не верила ей, хотя внутри, где-то глубоко рождаются разочарование и горечь.

– И ты же должна была отомстить ей за то, что Эмиру ставили тебе в пример, да? Она была недостойна подобных слов и сравнений с тобой? Ты сделала это?

– Конечно... да, – наглая ухмылка появляется на лице Флор.

– И что именно ты предприняла?

– Лишилась девственности и заставила всех поверить, что меня изнасиловали. А там уже не нужно было ничего делать, этот придурок Раф сам за меня всё сделал. Написал заявление и настроил всех против этой дуры.

– То есть тебя никто не насиловал? А как же синяки, кровь и другое?

– Ну дай мне ещё, – хнычет Флор, подползая ближе к камере.

– Не получишь, пока не ответишь.

– Мне насрать на то, чем я расплачусь за удовольствие видеть эту наглую и страшную тварь Миру за решёткой. Никакая она не принцесса! Я должна быть на её месте! Только я, и мне плевать на то, что с ней сделают. Я сама сказала, чтобы меня ударили и оттрахали нормально. А кровь... она продаётся во многих банках крови. За деньги можно купить всё, даже диагнозы! Здесь мамочка постаралась, ей выгодно, чтобы папочка этой гниды Миры заплатил за то, что дал ей мало денег! Я хочу ещё... ещё, – человек с камерой отходит, а Флор, пытаясь поймать его за ноги, ползёт вперёд.

– То есть это ты подстроила всё, и Эмира Райз невиновна? Твоё заявление – фальшивка, как, в принципе, и ты сама?

– Да! Блять, ты тупой? Да! Это была я и... – имя второго зачинщика шипит. – Мы вместе придумали несколько способов, чтобы она исчезла! И только мой сработал! Мой! Потому что я лучше! Я заставила всех поверить в эту чушь! Я отлично отыграла свою роль, практиковалась и прекрасно подготовила почву в лице придурка Рафаэля! А когда вернусь туда, то займу место в сестринстве, и мать от меня отвалит! А потом я продолжу уничтожать их! Её пресмыкателей! С ними будет то же самое, что с Беатой! Они все окажутся или в психушке, или за решёткой! Но Рафа, наверное, оставляю... хочу трахнуть его, и он красавчик, тем более эти упыри так его слушают! Он может заставить их любить меня! И я добьюсь этого! Моя мать поймёт, что я лучше её! Лучше Миры! Все это увидят, а потом я и его уничтожу! Против этого идиота у меня тоже есть много интересного! А вот Оливер мне нужен. Он даст мне всё, что я попрошу, когда покажу ему наши фотографии! Они глупые, понимаешь? Они думают, что я простая дурочка! Ни хрена! Я лучше их! Лучше каждого! – Флор подсакивает на ноги и кричит, ударяя себя по груди, и её ведёт в сторону. Падает на пол и резко поднимает голову с безумными глазами.

– Давно планировали это?

– Да... очень давно... ещё летом, когда меня взяли в университет. И у меня получилось, ведь скоро Мира получит по заслугам и будет гнить за решёткой, только дай мне... мне плохо... мне очень нужно... хочу, чтобы хорошо было.

– А кто тебя трахал в тот вечер? Назовёшь имена, и я поощрю тебя «сладким», – говорящий показывает Флор шприц, и она жадно облизывает губы.

– Да, это... – снова шипение, и мне непонятно. Если этот человек хотел, чтобы все узнали о том, как на самом деле обстояли дела, то зачем скрыл имена?

Видео дёргается, а затем снова появляется, где Флор, видимо, уже получила дозу и, развалившись на кровати, лежит с закрытыми глазами.

– Теперь вы слышали то, что Эмира Райз не была участницей разыгранного изнасилования Флоренс Делон. И у тех, чьи имена она открыла мне, теперь есть основание признаться

чистосердечно. Вы увидели лишь малость, не хочу терять время. Но у меня достаточно имён, чтобы начать собственное правосудие. Я буду мстить каждому, кто вынудил Эмиру Райз взять всю вину на себя, кто так легко и просто готов ради власти и популярности ломать людей. Возможно, ты будешь следующим, если не остановишься и не признаешься во всём. Ты станешь моей жертвой, и это будет продолжаться до тех пор, пока вы радуетесь боли друг друга.

Эти слова... они так глубоко въедаются в моё сознание. Этот человек защищает меня. Почему? Кто это? И зачем же он так жесток ко мне, пытаясь забрать у меня шанс вырваться отсюда?

– А сейчас я предлагаю вам продолжить наблюдать за тем, как в данный момент Флоренс Делон развлекается. Мне уже пора, поэтому местоположение этой девушки я напишу только к вечеру, а до тех пор ищите, но вряд ли найдёте её в многочисленных отелях Женевы, – картинка вновь меняется на ту, что была в самом начале, на которой происходит безобразная оргия.

– И да, все эти люди немного больны. Вру, они очень больны, есть даже ВИЧ-инфицированные. Перечень их заболеваний пойдёт титрами. Лечение, от которых, как и от наркотической зависимости будет долгим. И подобное будет с каждым, обещаю, кто ещё хоть раз использует наркотик, чтобы изнасиловать девушку или парня, или же совершить с ним нечто очень неразумное. Подобное наказание настигнет вас. Осторожнее со своими желаниями, они порой играют против вас самих. Я приду за вами, и кара настигнет вас. А теперь можно начинать признаваться, – голос затихает, и слышатся только стоны и неприятные причмокивания.

Наверное, я в небольшом шоке от услышанного и увиденного, как и все остальные. Никто не произносит ни слова, а только молча сидят и в ужасе переваривают информацию. Если честно, то я потрясена. Не могу сейчас даже понять, как относиться к этому. Слова Флор о том, что она будет уничтожать приближённых мне людей, вызывают желание бороться за них, ведь перед глазами предстаёт образ Сиен. Она слаба, и её легко можно сломать, а Белч вряд ли успеет помочь. А как же другие? Те девочки, что остались со мной и боятся ярости студентов не меньше моего? Что будет со всеми ними?

Вероятно, весь туман, в котором я жила последнюю неделю, рассеялся именно из-за понимания того, что я поступаю эгоистично и жестоко с теми, кто, независимо от обстоятельств, остался со мной. Имею ли я право предать их? Могу ли мечтать о свободе, когда приручила их и затем решила бросить? Вообще, достойна ли я вот такой жестокости и наказаний за моё правление? Нет. На все вопросы ответ один – нет. И именно этот человек показал мне, что я, действительно, бегу от всего из-за собственных страхов. Снова. Я не представляю, что теперь будет с Флор и с теми, чьи имена у него в списке, но зато ясно представляю, что мои «сокамерники» зависят от меня.

Стук в двери зала заставляет всех повернуться в их сторону и увидеть, как два парня, один из «Омеги», а другой первокурсник входят, сотрясаясь от страха.

– Мира, прости, – виновато шепчет, не глядя на меня, тот, кого я видела на многих вечеринках. Тот, кто ещё некоторое время назад стоял внизу со своим главой.

– Молодые люди, это означает, что слова с видео правда? – Изумляется один из членов правления.

– Да... да... мы были теми, кто занимался с Флор сексом. До этого тоже. Только анальным. У неё есть компромат на нас, на то... что мы курили..., и мы не хотим, чтобы с нами было то же самое. Мы... мы раскаиваемся и приносим свои извинения. Пожалуйста... мы...

– Немедленно в мой кабинет. Марджори, проводи их и вызови родителей, – месье Леду обрывает дрожащую речь второго парня, и секретарша быстро проходит мимо нас, даря мне слабую улыбку. Она выводит их.

– Скажи мне... скажи, где она? – Слезный голос матери обращается ко мне, и я смотрю в её глаза, полные ужаса и страха за жизнь Флор. А мне всё равно. Мне не жаль. Ни одну из них.

Я даже немного рада, что ей тоже больно, как и мне было в ту ночь. Если не сейчас, то совсем скоро будет больно Флор, когда начнётся ломка.

– Эмира непричастна к случившемуся. Чтобы устроить нечто подобное, необходимо, как минимум иметь шанс выйти в город, как и заставить вашу дочь выйти из университета. А у Эмиры не было такой возможности, так как она постоянно находилась на территории дома для престарелых, это может подтвердить и мистер Леду, и сотрудники, как и камеры слежения. Я бы посоветовал вам начать поиски прямо сейчас в местах, удалённых от центра. Не теряйте времени, миссис Делон, ведь к вечеру эта девушка может быть мертва по вашей вине, – с долей наслаждения и даже удовлетворения от созерцания бледного лица женщины, советует Грог.

– Да как ты смеешь? Это вы! Ты, эта стерва, и её папочка! Это вы сделали с моей дочерью! Я засужу вас! Вы все сядете! Вы...

– Мадам, остановитесь. Вы делаете только хуже. Нам необходимо связаться с вашим мужем и рассказать всё, – тихо на французском перебивает её адвокат, не позволяя натворить глупостей, помогая подняться и обойти стол.

– Если ты думаешь, что не заплатишься за это, Эмира, то ошибаешься. Я отомщу тебе за мою дочь и твоему отцу тоже, – шипит мать, останавливаясь напротив меня.

– Если ты думаешь, что я боюсь тебя, дура, то сильно ошибаешься. Мне насрать на тебя и на твою шлюху дочь. Вы одинаковы, как я и говорила. И теперь я так счастлива, а она подохнет, она... – не успеваю завершить предложение, как женщина с криком бросается на меня, выставляя руки вперёд. Грог незамедлительно отталкивает меня назад, отчего я лечу в стену, и следом раздаётся громкий выстрел, а затем визг, возмущения и крики мужчин вокруг. Удивлённый взгляд Грога, обернувшегося ко мне.

– Я говорила, что не шучу, – на его молчаливый вопрос о заряженном пистолете и полном магазине отвечаю ему.

– Я предупреждал, – возвращая внимание на мать, цедит Грог, опуская руку с оружием. Всего лишь потолок задел, а такой переполох.

– Вон отсюда, и вряд ли Эрнест будет рад узнать, что ты угрожала Эмире. Вспомни, сколько всего он знает о тебе. Убирайся отсюда, – Грог толкает женщину в адвоката с такой силой, что они оба пятятся назад.

Мать бросает на меня полный ненависти и беззвучной злобы взгляд. Разворачивается и буквально вылетает из зала вместе с юристом.

– Надеюсь, вы не будете больше прибегать к подобным мерам, – спокойно произносит месье Леду.

– Простите, но она меня достала, – ухмыляясь, Грог убирает пистолет.

– Думаю, теперь все обвинения будут сняты, и мы восстановим мисс Райз в должности главы сестринства. А вот это... вы, правда, ни при чём, потому что если этот человек учится в стенах нашего университета, то он опасен. Очень опасен даже для мисс Райз, – произносит директор.

– К сожалению, не могу ответить на ваш вопрос, сэр. Мы не заказывали никого, а если бы и заказали, то он бы точно был неглупым студентом.

Это отец. Грог подтвердил это. Его люди. Его тёмные дела, ведь богатым нельзя стать, не замавав рук. Из поколения в поколение поддерживается связь с преступниками. Мы все преступники, все нарушаем законы и правила, только вот кто-то играет довольно жёстко. Папа не прилетел, потому что был уверен в том, что мне ничего не грозит. Он просто продолжил заниматься своими делами, ненадолго отвлёкшись на заказ по уничтожению бывшей любовницы и её дочери, как и главы их семьи. Вряд ли Флор выживет. Волнует ли меня это? Нет. Наверное, сейчас я не в силах думать о ней. Я ещё не отошла от произошедшего, и мрачное чувство накапливается внутри.

– Что ж, мисс Райз, мы рады вашему возвращению. И надеемся, что вы сможете заставить своих девушек вновь ходить на занятия, как и ребят из братств. А что до тех, кто был причастен ко всему случившемуся, то они будут незамедлительно отчислены и попадут под следствие, как соучастники клеветы на вас. Все согласны с моим решением? – Месье Леду спрашивает у присутствующих, и они кивают ему, облегчённо вздыхая.

Это гадко. Им плевать на то, что увидели сейчас. Они так и не поняли, что подобное происходит и в стенах этого университета. Мы, действительно, выживаем здесь, а они наслаждаются деньгами, которые получают за нас, как за скот.

– Пойдём, Эмира. Тебе необходимо отдохнуть и подготовиться к занятиям, – Грог указывает мне на дверь, и у меня теперь нет выхода, как только продолжить то, что было раньше. Не ради себя. А хотя бы ради Сиен и Белча.

– Мисс Райз, я могу вам задать вопрос? – Останавливает меня месье Леду, и я поворачиваюсь к нему.

– Попробуйте.

– Вы ведь были невиновны. Зачем же вы так подставили саму себя?

– Ответ вы знаете, месье Леду. Я его уже вам говорила, и если вы хотите, чтобы все мы остались живы, начните управлять, а не наблюдать. Всего доброго, господа, – сухо произношу я и выхожу из зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.